DOI 10.22455/2619-0311-2018-1-184-235
УДК 821.161.1

Василий Комарович

**Лекции о Ф.М. Достоевском, прочитанные в 1921–1922 гг.
в Нижегородском университете
(в записи Т.А. Крюковой)**

Публикация, подгот. текста, коммент. и вступит. статья
О.А. Богдановой

V.L. Komarovich

**Lectures on F.M. Dostoevsky, read in 1921–1922
in Nizhny Novgorod University
(recorded by T.A. Krjukova)**

Publication, preparation of text, a commentary and introductory article
by O.A. Bogdanova

Информация о публикаторе: Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, Москва, Россия. Живет в Москве. E-mail: olgabogda@yandex.ru

About the publisher: Olga A. Bogdanova, Doctor of philological sciences, leading researcher of A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Lives in Moscow. E-mail: olgabogda@yandex.ru

Аннотация. Впервые публикуется курс лекций о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского, прочитанный в 1921–1922 гг. в Нижегородском государственном университете выдающимся литературоведом и текстологом первой половины XX в. В.Л. Комаровичем. В основе печатного текста – машинопись, переданная публикатору этого материала в 1991 г. Д.С. Лихачевым (1906–1999) и выполненная в 1960-е гг. с рукописной записи лекций, сделанной Т.А. Крюковой (1904–1978), бывшей в 1921–1922 гг. студенткой Нижегородского университета. В первую очередь, лекции интересны тем, что здесь кратко представлен так и не осуществленный В.Л. Комаровичем в формате

специальной книги очерк всего творческого пути Достоевского. Кроме того, несомненна их историко-культурная ценность как образца преподавательского искусства в русской провинции начала 1920-х гг. Наконец, с историей их сохранения и попытками публикации переплетены судьбы замечательных ученых прошлого столетия Т.А. Крюковой и Д.С. Лихачева – близких друзей и учеников В.Л. Комаровича. Публикуемые лекции – один из разделов готовящегося к изданию в ИМЛИ РАН сборника В.Л. Комаровича «“Весь устремление”: Статьи и исследования о Ф.М. Достоевском».

Ключевые слова: В.Л. Комарович, Ф.М. Достоевский, биография, творчество, Т.А. Крюкова, Д.С. Лихачев, курс лекций, Нижегородский университет, историко-филологический факультет, 1920-е годы.

Abstract. This is the first publication of a course of lectures about the life and works of F.M. Dostoevsky read in 1921–1922 in Nizhny Novgorod State University by V.L. Komarovich, an outstanding scholar and textual critic of the first half of the 20th century. The text is based on the typescript the editor of this material received in 1991 from D.S. Likhachev (1906–1999); the typescript was produced in the 1960s from handwritten notes of lectures made by T.A. Kryukova (1904–1978), a student at Nizhny Novgorod University in 1921–1922.

First and foremost, the lectures are interesting because they serve as a short introduction to V.L. Komarovich's sketch of Dostoevsky's entire oeuvre, which the scholar had never transformed into a book. In addition, they have obvious historical and cultural value as a sample of the art of teaching in the Russian province of the early 1920s. Finally, the history of their preservation and publication attempts is linked with the lives of T.A. Kryukova and D.S. Likhachev, outstanding scholars the last century and close friends and disciples of V.L. Komarovich. Published lectures are part of the forthcoming publication of V.L. Komarovich *“He's All Aspiration”: Articles and Research on F.M. Dostoevsky*.

Keywords: V.L. Komarovich, F.M. Dostoevsky, biography, work, T.A. Kryukova, lectures, Nizhny Novgorod University, historical-philological faculty, the 1920-ies.

Василий Леонидович Комарович (1894–1942) – выдающийся русский литературовед первой половины XX столетия, крупнейший исследователь творчества Ф.М. Достоевского, один из зачинателей российской текстологии – работал в трудных условиях довоенных десятилетий советской власти. Свой синтетический научный метод молодой ученый сформировал в блестящую эпоху Серебряного века. Зрелые плоды его творческой деятельности относятся к 1920-м гг. – непревзойденному периоду российского литературоведения. В 1930-е гг. Комарович разделил судьбу многих своих коллег: репрессии и невозможность полноценного научного труда. В 1942-м он трагически погиб в холоде и голоде ленинградской блокады.

Наследие замечательного ученого сохраняет научную ценность и актуальность, представляя собой лучшие страницы отечественного литературоведения, в первую очередь в области изучения Достоевского и древнерусской литературы. На основе скрупулезного исследования эстетического генезиса произведений великого писателя Комарович построил методологическую систему, которая способна сыграть значительную роль именно в наши дни – время обновления литературоведческой науки; ее практический эффект выходит за рамки достоевсковедения и может быть применен также и к другим литературным феноменам. Суть этой системы – в аккумуляции тенденций академического литературоведения, в первую очередь культурно-исторической школы (через семинарий С.А. Венгера в Петроградском университете), символистской религиозно-философской интерпретации Достоевского (в основном, с опорой на работы Вяч.И. Иванова) и «формальных» веяний конца 1910-х – 1920-х гг., т.е. сугубо эстетического подхода к литературе (через «телеогенетический» метод Н.К. Пиксанова). «Пневматология» Достоевского как субстрат его психологии, идеологии и поэтики – магистральная мысль Комаровича как ученого-христианина. Еще в 1923 г., заканчивая изучение рукописей и переписки Достоевского в Пушкинском Доме, Комарович наметил для себя план «историко-литературных обобщений»: проследить развитие и выявить сущность религиозно-философских взглядов писателя, исследовать большие романы Достоевского в свете русских литературных направлений XIX в. и обозначить в них западные литературные влияния. Каждая из написанных им статей – этап на пути к обобщающему труду – «одновременно и очерку биографическому, и очерку по истории религиозно-философских воззрений, и очерку художественной формы Достоевского»¹.

В настоящее время подготовлен к изданию сборник всех известных на сегодняшний день работ Комаровича о Достоевском, который, как мы надеемся, скоро увидит свет. В его составе – лекции о Достоевском, прочитанные молодым профессором в 1921–1922 гг. в новооткрытом Нижегородском университете.

Лекции интересны тем, что здесь в краткой форме дается общий очерк творчества Достоевского в единстве его биографии, «идеологии» и поэтики, что характерно для научного метода Комаровича. Объемную научную работу такого же обобщающего характера ученому написать не уда-

¹ Комарович Василий Леонидович. «Curriculum vitae». Автобиография с перечнем научных трудов. Петроград. 10 июля 1923 г. (РО РНБ. Ф. 4. № 97); Краткие автобиографии В.Л. Комаровича / Публикация и примечания О.А. Богдановой // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 33. СПб.: Серебряный век, 2015. С. 268.

лось. Ряд идей и тем (об измене В.Г. Белинского утопическому социализму как причине разрыва с Достоевским в 1846–1847 гг., о неисполненном замысле «Жития великого грешника», ставшего основой трех последних романов писателя, и др.) одновременно развит Комаровичем в отдельных исследованиях («Юность Достоевского», «Ненаписанная поэма Достоевского»² и др.).

Лекции также имеют историко-культурную ценность, представляя собой образец преподавательского искусства в русской провинции начала 1920-х гг. Симптоматично, что они полностью лишены советской риторики, независимы от марксистско-ленинской идеологии и непосредственно продолжают традиции университетского преподавания в дореволюционной России. В них отчетливо прослеживаются идейно-эстетические предпочтения, характерные для Серебряного века, его полигенетичность: с одной стороны, опора на А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, с другой – на Вл.С. Соловьева; на Вяч. Иванова и – на неокантианство (Б. Христиансена), и т.п. Комарович предстает здесь сторонником церковно-православного христианства.

Стилистика лекций передает особенности устной речи, предназначенной для учащейся аудитории. Поэтому часты повторы, усиления, акценты, возвращения к «пройденному», риторические вопросы, восклицания – те ораторские приемы, которые характеризовали русскую университетскую гуманитарную школу XIX – начала XX в.

В новооткрытом Нижегородском государственном университете (НГУ) Комарович работал со дня его фактического основания 25 июня 1918 г. преподавателем истории русской литературы и ученым секретарем историко-филологического (позже общественно-педагогического) факультета. Одновременно он преподавал в Нижегородском педагогическом институте. В связи с постановлением СНК РСФСР от 4 мая 1921 г. о ликвидации всех историко-филологических факультетов страны и организации на их месте факультетов общественных наук, в 1921 г. произошло значительное сокращение количества факультетов и в 1922 г. – преподавателей (в НГУ – с 239 до 156 человек). Педагогическая деятельность Комаровича в Нижнем Новгороде, по-видимому, закончилась в 1922 г. именно по причине этой реорганизации.

Обратимся к материалам газеты «Вестник Нижегородского университета» (всего в течение 1918–1919 гг. вышло 11 номеров). В № 3–4

² См.: *Комарович В.Л.* Ненаписанная поэма Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. I. Пб.: Мысль, 1922. С. 177–207; *Комарович В.Л.* Юность Достоевского // Былое. 1924. № 23. С. 3–43.

от 22 мая 1918 г. сформулирована главная задача университета – это «культ науки и демократизация знаний». Однако профессорско-преподавательского состава на открывавшиеся многочисленные специальности не хватало, и газета включилась в поиск недостающих профессоров, даже в других городах. При этом в № 5 от 12 июня 1918 г. декларировалось, что преподавание в Нижегородском университете рассчитано «на слушателей с **различного** рода подготовкой». Действительно, в № 9 от марта 1919 г. под рубрикой «Университетская жизнь» была представлена ведомость о числе студентов всех факультетов НГУ со сведениями образовательного ценза к 15 декабря 1918 г. По приведенным данным, на историко-филологическом факультете училось всего 126 человек, только 28 из которых предварительно окончили средние учебные заведения (гимназии и реальные училища). Уровень довузовской подготовки студентов был низок, о чем свидетельствует и письмо Комаровича к П.Е. Щеголеву от 10 февраля 1919 г.:

страшно занят был все первое полугодие; читал лекции, надо было готовиться к ним, как ни серо наше «домовое» студенчество; а читал я целый семестр Пушкина (какова дерзость!), теперь собираюсь печатать их (лекции) в местном студенческом издательстве, только вот новая орфография смущает; это – одна причина моего молчания (занятость); но кроме того, попутно всем делам и занятиям (а кроме занятий были и «дела» – организовывали ист<орико>-ф<илологический> факультет, теперь организовали, только профессоров мало) попутно всему этому такая апатия и незаинтересованность во всем делаемом являлась, что не только писать, но переписывать статью для отсылки Вам был не в состоянии <...>³.

В том же № 9 от марта 1919 г. сообщалось об избрании 8 декабря 1918 г. на должность преподавателя истории литературы историко-филологического факультета выпускника Петроградского университета Б.М. Энгельгардта (тоже замечательного исследователя творчества Достоевского), который, однако, по болезни так и не прибыл к месту своей новой службы. В № 11 от апреля 1919 г. сообщалось об избрании 25 февраля на должность профессора по кафедре классической филологии историко-филологического факультета НГУ магистранта Московского государственного университета А.Ф. Лосева (с которым Комаровича с этой поры связала прочная дружба⁴), на должность преподавателя по кафедре русского язы-

³ Письмо В.Л. Комаровича к П.Е. Щеголеву от 19 февраля 1919 г. // Литературный факт. № 3. 2017. С. 278; ОР ИМЛИ РАН. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 209.

⁴ Подробнее см.: Богданова О.А. А.Ф. Лосев и В.Л. Комарович: парадигма судьбы // Творчество А.Ф. Лосева в контексте отечественной и европейской культурной традиции:

ка и словесности – С.Ф. Елеонского, на должность профессора по кафедре всеобщей истории – Н.И. Радцига. Как видим, в отличие от студенческого состава факультета, преподавательский был на самом высоком уровне.

В том же номере «Вестника...» (№ 11 от апреля 1919 г.) в рубрике «Университетская жизнь» – объявление об основании при НГУ Историко-филологического общества, на одном из заседаний которого был прочитан доклад Комаровича «История замысла Ф.М. Достоевского “Житие великого грешника”».

За годы преподавания в Нижегородском университете Комаровичем было прочитано несколько историко-литературных курсов: «Пушкин – жизнь и творчество», «Гоголь и его школа», «Литературные направления 30-х и 40-х годов», «Русская классическая трагедия 18 века», «Слово о полку Игореве» (чтение и комментарий текста), «Творчество Достоевского».

След семинария по творчеству Достоевского, который вел Комарович для студентов историко-филологического факультета НГУ, помимо конспектов Т.А. Крюковой, сохранился в журнале «Метеор», издании Совета студенческих старост НГУ (1919. № 1. 1 мая. С. 7–8). Это статья некоего П.М. под названием «Образ Ставрогина и идея романа-трагедии “Бесы”». Статья написана на высоком исследовательском уровне, обнаруживающем знание текстов Вяч.И. Иванова, С.Н. Булгакова, Волжского <А.С. Глинка>, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше. «Бесы» названы «символической трагедией», которая уверенно возводится к античным истокам: идея вины и возмездия, эта центральная идея античной трагедии, есть в то же время и центральная идея «Бесов». Одновременно «Бесы» являются и трагедией русской души. Показана динамика образа Ставрогина в течение романного действия: от апокалипсического «огня и холода» дороманного периода до теплоты «пепла».

В 1923 г., после успешной сдачи магистерских экзаменов при Петроградском университете, Комарович был принят в сверхштатные сотрудники Пушкинского Дома и научные сотрудники I разряда Научно-исследовательского института имени акад. А.Н. Веселовского⁵ в Петрограде, куда и переселился из Нижнего Новгорода.

К 120-летию со дня рождения и 25-летию со дня смерти / Материалы Международной научной конференции XIV «Лосевские чтения»: В 2 ч. / Под общей научной редакцией А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. Сост. Е.А. Тахо-Годи. Часть I. М.: Дизайн и полиграфия, 2013. С. 215–227.

⁵ Научно-исследовательский институт им. акад. А.Н. Веселовского, или Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) – научное учреждение при Ленинградском государственном университете,

Лекции Комаровича печатаются впервые – по машинописи, переданной публикатору этого материала в 1991 г. Д.С. Лихачевым (1906–1999). Машинопись выполнена с рукописной записи лекций, сделанной Т.А. Крюковой (1904–1978), бывшей в 1921–1922 гг. студенткой Нижегородского университета.

О личности Крюковой и ее роли в жизни Комаровича стоит сказать несколько слов. В 1921–1922 г. юная девушка была слушательницей лекций Комаровича о Достоевском в Нижегородском университете. Затем, по окончании учебы в Ленинградском университете (1922–1925), она в течение года проходила стажировку по славянской филологии в Карловом университете в Праге, будучи «единственным приехавшим из СССР слушателем созданного в 1925 г. при Русском народном университете Семинария А.Л. Бема по изучению творчества Достоевского»⁶. Вернувшись в Россию, в 1926–1927 учебном году Крюкова участвовала в «достоевском» семинарии Комаровича в Ленинградском университете. Сделанные ею подробные конспекты пятнадцати лекций ученого хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН⁷. В письме к Бему от 3 марта 1927 г., сообщая о безуспешных попытках устроиться на официальную работу, она признавалась: «Для души же занимаюсь, конечно, Достоевским <...> В университете кафедру Достоевского занимает Комарович, и я аккуратно его лекции посещаю, очень люблю их»⁸. Видимо, «по просьбе Бема, Крюкова пыталась наладить регулярный научный контакт между российскими и зарубежными исследователями и восстановить прерванные дружеские связи <...> Благодаря ей в ленинградской научной среде было хорошо известно о направлении пражских исследований Достоевского, а также о роли в них Бема»⁹. В дневнике А.Л. Бема

существовавшее в 1919–1930 гг. Создан в 1919 г. при Петроградском университете как Институт имени А.Н. Веселовского, в 1921 г. переименован в Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока, но часто упоминался как «бывший институт Веселовского». Бюджет и штаты ИЛЯЗВ утверждались непосредственно в Наркомпросе. К институту отошла библиотека Санкт-Петербургского историко-филологического института. Управление институтом осуществляла Коллегия во главе с председателем (вплоть до реорганизации им оставался Н.С. Державин). Штат состоял из действительных членов, научных сотрудников, научно-технических сотрудников и аспирантов. В структуру института входили Отделение языка и Отделение литературы, с последующим их делением на секции и группы. В 1930 г. преобразован в Государственный институт речевой культуры.

⁶ Магидова М. Материалы к истории литературных контактов А.Л. Бема 1920-х гг. (Письма А.С. Долинина и Т.А. Крюковой) // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 19. СПб.: Серебряный век, 2003. С. 241.

⁷ ИРЛИ РАН. Р I. Оп. 12. № 833. Эти лекции не опубликованы.

⁸ Магидова М. Материалы к истории литературных контактов А.Л. Бема 1920-х гг. (Письма А.С. Долинина и Т.А. Крюковой). С. 256.

⁹ Там же. С. 241.

от 14 апреля 1928 г. имеется запись: «Вчера узнал <...>, что Таня Крюкова арестована в Питере. Бедная девочка. Неужели и моя вина, что писал ей? Но ведь ничего, кроме литературных новостей, ей не сообщал <...>»¹⁰. По приговору Коллегии ОГПУ по делу об образовательных, научных и религиозно-философских кружках «Космическая академия наук» и «Братство преподобного Серафима Саровского» от 8 октября 1928 г.¹¹, Крюкова была выслана из Ленинграда по месту проживания родителей в г. Козьмодемьянск Нижегородской губернии. С 1930-х гг. она посвятила себя изучению этнографии народов Поволжья и Приуралья, однако продолжала помогать любимому профессору – В.Л. Комаровичу – вплоть до его смерти от истощения в феврале 1942 г. Она делилась с умирающим собственным скудным блокадным пайком. Именно Т.А. Крюкова передала в Пушкинский Дом сохраненные ею материалы Комаровича.

Рукопись лекций Комаровича в Нижегородском университете, сделанная Крюковой, находится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН¹², в ней 68 листов формата А4. Рукопись и машинопись практически идентичны, за исключением незначительных расхождений, отмеченных в затекстовом комментарии. Д.С. Лихачев еще в 1967 г. планировал включить текст нижегородских лекций о Достоевском в сборник (несостоявшийся) избранных работ Комаровича, заявку на который подавал в дирекцию ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом); редакторами сборника должны были стать Лихачев и Крюкова. Таким образом, публикация этих лекций – исполнение воли близкого друга и ученика Комаровича (по собственному свидетельству Д.С. Лихачева).

В машинописи 50 листов формата А4, имеется карандашная и чернильная правка, по-видимому принадлежащая Крюковой и внесенная не позднее 1967 г. В квадратные скобки в тексте лекций помещены слова или слоги машинописи (и рукописи), затемняющие смысл фраз. Эти места переданы в машинописи в точном соответствии с рукописью Крюковой. В угловых скобках раскрываются сокращенные в машинописи слова, а также даются необходимые по смыслу пояснения публикатора. Круглые скобки в тексте лекций принадлежат самому автору машинописи.

Особенностью лекций является обилие неточных и приблизительных цитат, приведенных без указания на источники цитирования, что можно объяснить восприятием устной речи Комаровича со слуха. Большинство

¹⁰ Там же. С. 257.

¹¹ Подробнее см.: Богданова О.А. Арест и ссылка В.Л. Комаровича // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 342–352.

¹² ИРЛИ РАН. Р. I. Оп. 12. № 828.

цитат удалось идентифицировать, однако некоторые так и не найдены, что отмечено в затекстовом комментарии к лекциям. По возможности, здесь подобраны подтверждающие мысль лектора действительные цитаты из названных им авторов и произведений.

В печатаемом тексте унифицированы постановка прописной буквы в словах «Евангелие» и «Вселенная», а также постановка в кавычки понятий «мечтательство», «рацио», «подполье», «живая жизнь», которые в машинописи писались то с кавычками, то без них. Выражения «сверхчеловек», «по ту сторону добра и зла», «дрожащая тварь», «все позволено», «лучшие люди», «деятельная любовь», «мировая гармония», «золотой век», «хрустальный дворец», как принадлежащие Ф.М. Достоевскому, Ф. Ницше и др., взяты в кавычки. Написание слов «воля», «мечтатель» везде дается без кавычек как преобладающее в машинописи.

В тексте лекций отсутствуют какие-либо ссылки на источники приводимых сведений и цитат, поэтому редакторские ссылки в затекстовом комментарии даются на авторитетные издания конца XX в.: Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского в 30 т. (Л.: Наука, 1972–1990), Собрание сочинений В.Г. Белинского в 9 т. (М.: Художественная литература, 1976–1982), Полное собрание сочинений А.С. Пушкина в 10 т. Изд. 4-е (Л.: Наука, 1977–1979) и т.п.

Лекция первая

Основной чертой характера Достоевского и как человека, и как мыслителя, и как писателя является его постоянное движение вперед, его кинетичность.

Достоевский – весь устремление.

Рассматривая, например, Достоевского как восстановителя религиозных традиций народа, мы не можем окончательно восстановить его мировоззрение. Оно движется, течет и изменяется. Всю его жизнь и до самой смерти в нем борются два начала: атеизм и деизм, истинное христианство и язычество. Иван Карамазов борется с Зосимой и кто победит, это – вопрос. Как писатель Достоевский также все время прогрессирует. В начале литературной деятельности мы узнаем в нем писателя своего века. Это тот же Григорович, Герцен, Гоголь и другие. Дальше, не удовлетворяясь старой литературной формой, он порывает с ней и создает новую. Это – роман-трагедия, которая со временем развивается¹³. При исследовании творчества Достоевского можно разбирать его как мыслителя и как художника.

¹³ В «роман-теорему». Так представлял себе В.Л. Комарович эволюцию романной формы

Достоевский-художник почти не разработан еще. Достоевский же мыслитель тесно связан с его биографией, так как свои мысли Достоевский изживал и переживал.

Биография Ф. Достоевского

Родился 30 октября 1821 г.¹⁴ в Москве, в Мариинской больнице, в семье штаб-лекаря. О ранних годах его жизни можно узнать из воспоминаний его младшего брата¹⁵, но лишь отчасти.

Семья была большая. Обстановка окружавшая – скромная. По свидетельству брата, там господствовала «патриархальность и размеренность взглядов»¹⁶.

Дети в семье группировались. Достоевский был дружен со своим старшим братом¹⁷, всегда делился с ним своими мыслями и переживаниями; так что из их переписки можно судить о мирозерцании Достоевского того времени. Получив домашнее образование, оба брата поступают в пансион Чермака. Это было закрытое учебное заведение, откуда воспитанников отпускали домой лишь по воскресениям.

По воспоминаниям брата¹⁸, воскресения эти оставили в Достоевском светлые воспоминания. Они, то есть старшие братья, «во всем делились с семьей, сообща читали, разбирали писателей»¹⁹ и т.п. Однако спокойствие, в котором, как указывают биографы²⁰, протекали детские годы Достоевского – сомнительно. В его романе «Подросток», например, проскальзы-

у Достоевского. См.: курс лекций В.Л. Комаровича в 1926–1927 гг. в Ленинградском университете «Литературные и философские традиции в творчестве Достоевского» в записи Т.А. Крюковой (РО ИРЛИ РАН. Р I. Оп. 12. № 833. Л. 20).

¹⁴ По новому стилю – 11 ноября.

¹⁵ А.М. Достоевского (1825–1897).

¹⁶ Такой цитаты в кн.: *Достоевский А.М.* Воспоминания. М.: Аграф, 1999 – не найдено. Однако на с. 47–51 воссоздается именно «патриархальный» и «размеренный» образ жизни в родительской семье Ф.М. Достоевского.

¹⁷ М.М. Достоевским (1820–1864).

¹⁸ А.М. Достоевского.

¹⁹ Такой цитаты в кн.: *Достоевский А.М.* Воспоминания. М.: Аграф, 1999 – не найдено. Однако на с. 67–71 другими словами рассказывается об откровенности Федора и Михаила с семьей, об их учении в пансионе Л.И. Чермака и еженедельном субботне-воскресном пребывании дома, о круге и характере совместных семейных чтений в квартире Достоевских.

²⁰ См., напр.: *Миллер О.Ф.* Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского. *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Полн. собр. соч. Ф.М. Достоевского: В 14 т. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883; *Чешихин-Ветринский В.Е.* Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах. Часть I. М.: В.В. Думнов, 1923. Второе испр. и доп. изд.; и др.

вает совершенно противоположное. Подросток-Достоевский является там замкнутым и одиноким со своими бурными переживаниями. Он не может делиться с семьей своими мыслями, семья его не понимает²¹. Подобное свидетельство о детстве мы находим и в «письме Достоевского к брату», отысканном нами в архиве²². Не было спокойствия и в семье. Отец Достоевского, например, был деспотичен, вспыльчив и раздражителен. Характер Достоевского самого в детстве, это: чрезмерная нервность, впечатлительность (впечатления от малейшего пустяка). Даже в этот ранний период Достоевский является начитанным; он знает всего Пушкина, Жуковского²³ и т.п. Период детства заканчивается в 1837 году. В это время Достоевский поступает в Инженерное училище. Об этом периоде жизни Достоевского 1837–41 гг. мы имеем сведения из воспоминания его воспитателя Савельева. Тут, в училище, Достоевский предстает перед нами также очень замкнутым, обособленным, страстно влюбленным в литературу.

Товарищи считают его «идеалистом, мистиком и вообще странным»²⁴. Духовный мир Достоевского в эту пору выплывает перед нами в переписке с братом²⁵. В этой переписке он делится с ним литературными впечатлениями. Читает он самые разнообразные книги. Увлекается стихотворениями Гюго, сопоставляя его с Гомером. (Гюго воспринял идею христианства подобно Гомеру, воспринявшему идею язычества). С увлечением читает Бальзака, Жорж Санд, Шиллера, Корнеля, Расина и т.п.²⁶

²¹ Психологическое отождествление героя литературного произведения с автором – прием, характерный для психологической школы в русском литературоведении рубежа XIX–XX вв. во главе с Д.Н. Овсяннико-Куликовским.

²² Возможно, имеется в виду письмо Достоевского к брату А.М. Достоевскому от 10 марта 1876 г. со следующим отзывом о родителях: «Заметь себе и проникнись тем, брат Андрей Михайлович, что идея неперменного и высшего стремления в *лучшие люди* (в буквальном, самом *высшем* смысле слова) была основною идеей и отца и матери наших, несмотря на все уклонения» (*Достоевский А.М. Воспоминания*. М.: Аграф, 1999. С. 395). Г.И. Чулков заметил по поводу этих строк: «*“Несмотря на все уклонения!”* – значит, были они, эти уклонения, и где-то за внешним благообразием семьи таилось какое-то неблагополучие» (*Чулков Г.И. Жизнь Достоевского* / Сост., подгот. текста, коммент. и вступит. статья О.А. Богдановой. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 340).

²³ См.: *Достоевский А.М. Воспоминания*. С. 71.

²⁴ Приблизительная цитата из воспоминаний А.И. Савельева о пребывании Ф.М. Достоевского в Главном инженерном училище; Савельев писал: «он настолько был непохожим на других его товарищей во всех поступках, наклонностях и привычках и так оригинальным и своеобразным, что сначала все это казалось странным, ненатуральным и загадочным». Савельев также отмечал религиозность юноши Достоевского, интерес к урокам закона Божия, за что товарищи прозвали его «монахом Фотием» (См.: *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников*: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 163).

²⁵ М.М. Достоевским.

²⁶ См. письма к М.М. Достоевскому 1838–1840 гг. [*Достоевский 1972–1990: XXVIII* (1), 51, 68–70 и др.].

В 1841 году Достоевский выходит из училища, но продолжает посещать старший курс. В это время он погружается в журналистику, пишет в «Библиотеку для чтения». Первые его литературные планы, это – «Борис Годунов» и «Мария Стюарт» (драмы)²⁷. Период этот заканчивается выходом в свет его романа «Бедные люди»²⁸. В 1845 году он знакомится с Белинским, и это знакомство сильно влияет на него.

В то время учителями Белинского были социалисты-утописты: Фурье, Кабе, Пьер Леру, Сен Симон, Жорж Санд²⁹. Утопизм господствовал в эпоху Наполеона и после него много лет, в ту эпоху, когда в воздухе носились отголоски вольтеррианства, реставрации католичества, немецкий идеализм. Утописты сумели объединить в своем учении все эти необъединимые течения. Они называли себя христианами, и цель их была «очистить» христианство. Но «очищая» его, они пришли к бессознательному отрицанию главных его догматов. Разделяя христианские догматы на божественные и изобретенные человеком, они признали за божественное, а следовательно, и приняли, лишь изречение – «люди – братья». Но даже в этом сходстве с христианством коренится несходство. В Евангелии дальше идет: «Возлюби Бога, а потом ближнего»³⁰. Они же – возлюбили ближнего, но не Бога. Любовь к Богу они лишь навязывают себе, и она у них растворяется и исчезает в человеческом. Отсюда их атеизм. Различие их с христианством также в том, что их мир – будущий мир наслаждений, в основе же христианства лежит идея страдания и жертвы.

Произведения утопистов отличаются фантастичностью. Кроме того, от христианства они переняли библейский слог и религиозную восторженность. Познакомившись с Белинским, Достоевский также вслед за ним увлекается утопическими теориями, и это отражается в его произведениях (Иван Карамазов, Кириллов в «Бесах»).

Лекция вторая

В критике принято смотреть на творчество Достоевского как на расщепленное на два периода: до и после каторги. Начиная с Миллера и Страхо-

²⁷ См. об этом: [Достоевский 1972-1990: XXVIII (1), 423].

²⁸ В 1846 году в составе «Петербургского сборника» под ред. Н.А. Некрасова.

²⁹ Жорж Санд была другом и последовательницей П. Леру.

³⁰ Неточное воспроизведение евангельских слов. Слова Христа звучат так: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим; Сия есть первая и наибольшая заповедь; Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22: 37–39, синодальный перевод).

ва³¹, критики утверждают, что после каторги он стал другим, вышел оттуда обновленным и годы, проведенные до каторги, канули в вечность.

Едва ли такой вывод критики [имеет место и] заслуживает доверия. В той ли мере и степени следует его принять? Нет, это утверждение исследователей Достоевского не выдерживает критики, как все расщепленное, нецельное. Все многообразие второго периода не может быть понято до конца, если миновать первый период.

Достоевский дал нам глубокие и великие произведения в области философской мысли. Он впервые ввел в структуру романа страсти, отвлеченные головные идеи, которые до того времени не подлежали сфере романа. Когда вы окунетесь в эту бездну страстей, все уже покажется пресным – искания Андрея Болконского, Пьера и т.п. – по сравнению с ними. Эти миры отвлеченных фантазий с наибольшей яркостью и полнотой предстают в «Бесах»...

Откуда они взялись, эти яркие, сильные страсти? Они могут выйти только из собственного опыта, благодаря своей живости и красочности. Но ведь во второй период он этих страстей не имел, с ними боролся. Весь его этот период есть провозглашение борьбы с разумом; все его произведения этого периода направлены на борьбу с разумом. Поэтому-то идеи и головные страсти, с которыми он борется и которые обязаны своим художественным изображением собственному опыту самого творца, должны быть отнесены к сороковым годам, поверхностно отсеченным критикой от второго периода.

Произведения Достоевского последнего периода поражают противоречивостью религиозных мыслей. Здесь, в его типах, мы можем проследить три душевных склада:

1. Безбожное мировоззрение или отрицание Бога. Представителями этого мировоззрения являются Свидригайлов, Ракитин, Верховенский и, наконец, Смердяков.

2. Страстная влюбленность в человека; страсть, не прикрепленная к Богу. Это мировоззрение можно назвать религиозным гуманизмом, который по существу своему все же атеистичен. К таким религиозным гуманистам можно отнести Кириллова в «Бесах», Раскольников, Ивана Карамазова.

³¹ Первые биографы Ф.М. Достоевского, напечатавшие в первом томе первого посмертного Полного собрания сочинений писателя его полную биографию. *Миллер О.Ф.* «Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского» (с рождения до 1860 г.), *Страхов Н.Н.* «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском» (с 1860 г. до смерти). См.: Полн. собр. соч. Ф.М. Достоевского: В 14 т. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883.

3. Наиболее желанное мировоззрение, которое больше грезилося Достоевскому, это – наивное принятие мира в Боге. Это – в ограде русского монастыря, питомец святого старца Зосимы – светлый Алеша и предвестники его – тихий князь Мышкин, терзаемый двойной страстью, и Алеша из «Униженных и оскорбленных».

Достоевский никогда не согласовывал эти три мировоззрения. Все у него в расплавленном состоянии, не отлилось в законченные формы. Это разногласие могло возникнуть, конечно, лишь из собственного душевного опыта и для этого надо рассмотреть его первый период. Если второй период окрашен тонами религиозными, то первый таит в себе иные устремления.

Исходя из этого положения, критика и давала такой раздвоенный и неверный образ Достоевского. Критика также грешила и в другом отношении. Она говорила, что религиозное настроение Достоевский почерпнул еще в доме отца и не изменял ему. Это – неверно. Достоевский сложнее и противоречивее, чем думают. Нельзя утверждать, что он воспринял все навыки христианского учения. Нет, противоречивость свидетельствует о другом. Истоки этой противоречивости необходимо вскрыть и найти. Достоевский стремился изжить то мировоззрение, которым наделила его церковь в суровых стенах каторги, и изживал в своем творчестве. Он разошелся с христианством в сущности вопроса о грехе и человеческом страдании. Церковь ведь утверждает законность зла на земле. Учение о грехопадении характерно для христианской церкви. Грех и страдание – необходимы, и всякие попытки теодицеяного характера – не нужны. Но мысль легко и свободно впадает в недоразумение.

Идея веры в Бога входит в противоречие с идеей зла и греха на земле. Это противоречие – исходный пункт сектантства и всяких иных настроений в области религиозной мысли. Запутанность мыслей Достоевского, неразрешимость у него проблемы – оправдания Бога миром и мира Богом – показывает, что в этом пункте он был вне церковных настроений.

В своем курсе по Достоевскому я наметил 3 цели:

1. Показать духовную эволюцию Достоевского, постепенное развитие его религиозной мысли. Цель – обязательная при изучении всякого художника-мыслителя.

2. Показать художественную сторону произведений Достоевского. До сих пор Достоевский рассматривался лишь как мыслитель. В нем не ценили и не замечали великого художника³². Однако это – грубая ошибка. Ведь

³² С этим утверждением нельзя согласиться полностью: конструктивные замечания об уникальных особенностях поэтики Достоевского уже были высказаны Д.С. Мережковским в статье «Достоевский» (1890) и книге «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1901):

если бы Достоевский не был художником, он мог бы облекать свои мысли не в художественные формы, мог печатать, например, публицистические статьи, писать трактаты. Теперь пришло время, наконец, рассмотреть его как художника, и это будет второй задачей.

3. Дать биографические данные о Достоевском. Достоевский и как художник, и как мыслитель – неотделим от биографии, которая является как бы фоном, на котором происходила философская и творческая эволюция.

Прежде всего, обратимся, как я уже сказал, к 40-м годам, ранней поре творчества Достоевского, неотъемлемой от последующего периода, той базе, на которой построены последующие творения Достоевского. Годы эти не оставили прямых свидетельств. Достоевский в этот период мало изучен³³. Вообще ведь, когда писатель в полном расцвете, он привлекает исследователей, в пору же юношеских предощущений исследования обычно мало ярки. Материал для первого периода жизни Достоевского можно найти отчасти в статьях его, в «Дневнике писателя». Во многих статьях он однообразно характеризует свою юность, первенствующей чертой которой объявляет «книжное мечтательство». Во всех своих произведениях он находит эти слова исчерпывающими. В «Записках из подполья», произведении насквозь <авто>биографичном, он раскрывает картину этой эпохи: «Мы спасались тогда...»³⁴, – говорит его герой. Если вы раскроете том его повестей и рассказов, таких как «Бедные люди», «Двойник», «Хозяйка», «Неточка Незванова», «Белые ночи» и т.п., то во всех этих произведениях, везде, наткнетесь на свежий опыт поры «мечтательства». Герой «Белых ночей», Неточка Незванова – мечтают. В «Хозяйке» проходят целые миры фантазий в одиноком и больном воображении Ордынова. Такое сопоставление повестей с личными переживаниями и признаниями заставляет думать, что это – отклик на его собственное настроение. В образах До-

так, отмечалось изображение в творчестве писателя «доводимой до своих последних пределов» человеческой личности, романы Достоевского назывались «трагедиями», их повествовательная часть признавалась второстепенной, а на первое место выдвигался диалог персонажей-«голосов», подчеркивалась не визуальная, а слуховая доминанта восприятия произведений Достоевского, говорилось о стремительности, сгущенности и катастрофизме романного действия, о «страстях ума», бушевающих героев писателя, и т.д. (См.: Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 107–112).

³³ Действительно, до 1920-х гг. практически отсутствовали самостоятельные исследования, посвященные раннему творчеству и биографии Ф.М. Достоевского. К немногочисленным исключениям относятся, например, очерки И.Ф. Анненского о «Двойнике» и «Господине Прохарчине» («Книга отражений». СПб., 1906).

³⁴ Приблизительная цитата; надо: «Но у меня был выход <...> это – спастись во “все прекрасное и высокое” <...> в мечтах» – см.: [Достоевский 1972-1990: V, 132].

достоевский изображал самого себя. Перед нами встает задача – вскрыть, что скрывалось за этими мечтами.

Вспоминая 40-е годы, Достоевский помнил еще один факт, забывать который он не хотел; это – встреча с Белинским. Были периоды в его жизни, когда он с особой настоятельностью и страстностью вспоминал о Белинском. Одно время он работает над статьей «Воспоминания о Белинском», про которую говорит, что она занимает его больше романа, создаваемого в это время³⁵. Статью эту Достоевский потом уничтожил, но отголоски ее сохранились в отдельных статьях «Дневника писателя»³⁶. Вокруг имени Белинского создано, должно быть, что-то важное и интимное, что навсегда запечатлелось в его памяти. Все это помогает нам разобраться в периоде сороковых годов. В одной статье «Дневника писателя» Достоевский раскрывает, что произошло в 1845 году. «Я страстно принял тогда его (Белинского – *В.Л. Комарович*) учение»³⁷, – говорит Достоевский, и это – знаменательные слова. Достоевский страстно принял то учение, которым увлекались, и те настроения, которые переживали Белинский и его кружок. В своей статье о Жорж Санд он упоминает имена Фурье, Сен-Симона, Пьера Леру и т.п.³⁸ Это все имена модных в то время создателей утопических систем. Ими-то и увлекся тогда Белинский. Системы эти были различны, но за частными различиями крылось одно целое мировоззрение и миропонимание. И нам теперь надо за этими деталями уловить общее, уловить ту истину, которую мог воспринять Достоевский от Белинского. Утопические системы во Франции возникли и создались на рубеже двух различных эпох (революции и Реставрации) и приняли в себя отголоски самых противоречивых течений: рационалистической философии XVIII-го века и настроений эпохи Реставрации, когда можно было возвращаться в лоно католической церк-

³⁵ Относительно статьи Достоевского о Белинском Н.Н. Страхов сообщает: «Эта статья по условию готовилась им для литературного сборника “Чаша”, который затеян был в Москве покойным К.И. Бабиковым <1841–1873>, одним из молодых сотрудников “Времени” и “Эпохи” <...> Статья эта была кончена только в Женеве, уже в половине сентября, была отослана А.Н. Майкову, им передана А.Ф. Базунову и затем пропала без вести, как и другие статьи, приготовленные для “Чаша”. Этому сборнику не суждено было явиться в свет» (Полн. собр. соч. Ф.М. Достоевского: В 14 т. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 295).

³⁶ По-видимому, имеются в виду статьи: «Старые люди» из «Дневника писателя» за 1873 г. [См.: Достоевский 1972-1990: XXI, 8-12]; «Русская сатира. “Новь”. Старые воспоминания» из «Дневника писателя» за 1877 г., январь (См.: [Достоевский 1972-1990: XXV, 29–31]).

³⁷ Неточная цитата; см.: [Достоевский 1972-1990: XXI, 12] («Дневник писателя. 1873». II. «Старые люди»).

³⁸ В «Дневнике писателя за 1876 год» (июнь, глава 1, I. «Смерть Жорж Занда», II. «Несколько слов о Жорж Занде») есть только одно упоминание о Пьере Леру (см.: [Достоевский 1971-1990: XXIII, 33]).

ви. Тут же можно подметить отголоски немецкой классической философии Шеллинга, Гегеля и др. Отзвуки самых противоречивых течений входили в эти утопические системы, но все они объединены одной мыслью, которую мог вынести Достоевский из социальных утопий и из которой вытекает вопрос о страдании и греховности человека. Этот вопрос стар, как стара земля, но утописты, проникнувшись его ужасом, потребовали его разрешения. Гуманистическая тоска и тревога перед этим важным вопросом является основным и движущим мотивом этого течения. Но оно хочет на что-нибудь опереться, и поэтому создатели его стремятся построить свое учение на религиозной почве. Они – религиозны. Практическое неотделимо у них от метафизики. В своих трактатах утописты любят особенно подчеркивать свое христианство, называют себя верными сынами католической церкви. Однако это не совсем так. Больше того, совсем не так.

Они развивают свое учение из следующих положений: Христос – Сын Божий, все люди – сыны Божии, а потому человек не может обладать греховной душой, она у него – прекрасна. Если же, следуя этим рассуждениям, человек по природе своей прекрасен, то чем объяснить зло? Церковь объясняет это грехом. Утописты же грехопадения не признают. Грех и страдание, по их мнению, – результат непонимания христианства. Они затрачивают много сил, стараясь оправдать Бога от кощунства, которое якобы возвела на Него церковь. Это характеризует всех их. Для них противоречие между благим Богом и страдающим человеком должно быть снято. Зло не может корениться в божественной природе человека. Зло, по их мнению, – недоразумение, и оно исчезнет, как только будет понято христианство. Они своим учением стараются искоренить зло, истолковать истинность христианства, но, вступив на путь гуманизма, они отходят от церковного [правоведения]³⁹. С первых страниц они еще как будто христиане – католики, но дальше они шаг за шагом уходят от церкви. Объясняя Евангелие с целью искоренения ошибки, они тем самым нарушают святость книги. Ведь Евангелие – исключительное явление постольку, поскольку не подлежит истолкованию. Для утопистов критерием их истолкования Евангелия является их догматический вопрос о страдании, все же остальное – средства. Истинность христианства, единство христианства нарушается, нарушается и единство заповедей Бога. То, что заповедал Бог, учили они, не подлежит истолкованию, но то, что примыслили клерикалы, в том можно сомневаться. За истинную заповедь Бога признают они заповедь «Возлюби ближнего, как самого себя»⁴⁰. На самом деле это – не так. В Евангелии

³⁹ Возможно, надо: правоверия.

⁴⁰ Неточная цитата; см.: Мф. 22: 39 (синодальный перевод).

говорится: «Возлюби Господа Бога твоего, а потом – ближнего»⁴¹. Они же возлюбили ближнего, но не Бога. Образ Христа они признают, но он для них представляет нечто иное, чем для церкви. Крестных страданий, Голгофы для них – нет. Кровь Христова – не утверждение христианства, а всего лишь символ временного крушения. Христос – этот идеальный герой человечества, пострадал (из-за непонимания) за свои убеждения. Преклонение и поклонение сменяются жалостью к Нему. Вот путем таких умственных построений приходили они к мечтаниям о «золотом веке», который должен быть по слову Божию. Религиозные вопросы для них лишь те рецепты, которые они сочиняли для устройства этого будущего «царства». Они не жалели красок в его изображении, нередко переходили границу вероятия. Они думали, что, как план их осуществится, счастье, как пламя, разольется по земле. Земля превратится в громадный цветущий сад. На этой новой, обновленной земле родятся новые прекрасные поколения. Мужчины будут олицетворением мощи и силы, женщины – красоты и грации. И человек в этом новом мире будет господином. Он – понял свое назначение на Земле, взял скипетр и державу – он владыка⁴². Здесь ясно чувствуются проблески атеизма. Система мысли, развиваясь из религиозного истолкования, в конце развития соскакивает в атеизм. Счастье, правда, возмещается Богом, но дальше Он не нужен. Человек в будущем идеальном царстве – одинок в своем господстве и могуществе.

Социалистические теории переходили и в искусство. Роман заплатил дань увлечениям. Так, эти социалистические теории повлияли на реалистические романы Жорж Санд. В своих романах⁴³ она прямо проводит те идеи, которые проповедывали утописты. Другие же писатели, как, например, Бальзак, отражали в своих романах только общее гуманистическое настроение, страдание человека, изображение города.

Утопии нередко делались даже лирическими темами (Ламартин, например⁴⁴). Вот это-то мировоззрение и воспринял Белинский в сороковые годы. В Россию эти идеи проникли еще в 30-е годы, и Белинский в сороковых годах, изживший в то время свое увлечение Гегелем, подпал под их влияние. В своих письмах к Боткину⁴⁵ он с восторгом отзывался о своей

⁴¹ Неточная цитата; см.: Мф. 22: 37–39, а также: Марк 12: 30–31 (синодальный перевод).

⁴² Здесь В.Л. Комарович излагает идеи Э. Кабе из романа-утопии «Икартия».

⁴³ Напр.: «Консуэло», «Теверино», «Жанна» и мн. др.

⁴⁴ См., напр.: А. *Lamartine. Oeuvres diverses*, t. II. В его схеме исторического процесса чувствуется влияние А. Сен-Симона. В книге «*Le passé, le présent et l'avenir de la république* («Прошлое, настоящее и будущее республики» – *фр.*)» (Bruxelles, 1850) Ламартин трактовал социализм в духе утопического гуманизма.

⁴⁵ Боткин В.Л. (1812–1869) – очеркист, литературный критик, переводчик, член лите-

новой вере⁴⁶. Вероятно, такие же восторженные речи услышал и Достоевский от Белинского, когда в 1845 году встретился с ним.

Другого он и не мог услышать в это время. О непреклонной вере Белинского в утопический социализм свидетельствует много писем и статей того времени.

Итак, после такой подробной проверки мы приходим к выводу: Достоевский принял учение Белинского, как он сам об этом говорит. В одном только ошибся Достоевский: он говорит, что Белинский начал с атеизма. Это – не так. Французские утописты и Белинский атеистами, в общепринятом смысле, не были. Они все – христиане. Правда, «новые», но все же христиане. Утверждая, однако, то, что Достоевский принял учение Белинского, надо оговориться, что не только из рук Белинского принял он это учение. Утопические системы были в то время хорошо известны в России. Белинский отличался тем, что он всегда отражал, как в зеркале, в себе то, что висело в воздухе, а идеями утопического социализма был насыщен действительно тогда воздух. Не только Белинский, но и Герцен, менее чуткий на посторонние влияния, увлекается этими новыми теориями. В журналах того времени («Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и т.п.), например, об утопистах и их теориях говорят, как о хорошо знакомых, общеизвестных вещах, и Достоевский, который, живя в доме отца, имел постоянно у себя в руках эти журналы, конечно, не мог проходить мимо этих отзывов о своих будущих учителях. Идеи утопистов ему не чужды; еще в самом раннем возрасте прочитал он и зачитывался романами Жорж Санд. Следовательно, майская встреча с Белинским не изменила, а лишь утвердила воспринятые раньше убеждения. После встречи дружественные отношения Достоевского и Белинского не прекращаются. Переписка Достоевского с братом⁴⁷ того времени радостная и восторженная. Летом 1845 года он пишет: «Белинский здесь, жизнь идет по-старому»⁴⁸. В первой половине 1846 года выходит второй роман⁴⁹ Достоевского

ратурно-философского кружка Н.В. Станкевича (1831–1839), друг и многолетний корреспондент В.Г. Белинского.

⁴⁶ См., напр.: *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Художественная литература, 1976–1982. Т. 9. С. 478–486 (Письмо к В.П. Боткину от 8 сент. 1841 г.).

⁴⁷ М.М. Достоевским.

⁴⁸ Неточность: летних писем Достоевского за 1845 г. не сохранилось; сохранились его письма к брату Михаилу от начала сентября, от 8 октября и от 16 ноября 1845 г. В них Достоевский писал следующее: «Я бываю весьма часто у Белинского. Он ко мне донельзя расположен...»; «Белинский любит меня как нельзя более» [Достоевский 1972–1990: XXVIII (1), 113, 115]. Приведенных В.Л. Комаровичем в записи Т.А. Крюковой слов не обнаружено в известных письмах Достоевского к брату Михаилу ни 1845, ни 1846, ни 1847 гг.

⁴⁹ Жанровое обозначение «Двойника» – «петербургская поэма». В современном литера-

«Двойник». Он вызывает умеренные похвалы, но Достоевский все же верит в себя и свой талант, который ему предрекли Белинский и его друзья.

Лето 1846 года он проводит в Ревеле у брата⁵⁰. Осенью, которая была для него роковой, возвращается в Петербург. Что произошло при встрече друзей – неизвестно, но с тех пор отношения пошли по иному руслу. 1-го декабря в письме Достоевского к брату есть такое упоминание: «В пух разругал Некрасова»⁵¹, и т.п. В феврале 1847 года отношения резко меняются, становятся прямо враждебными. В письмах к брату Достоевский презрительно отзывается о Белинском и его кружке⁵². Белинский же, в свою очередь, в письмах к Боткину и друг<им> рассказывает какой-то нелепый анекдот о Достоевском⁵³. О его новом рассказе⁵⁴ «Хозяйка» он говорит «Это что-то слабое, бесформенное»⁵⁵. Чем вызван был этот разрыв? Вопрос сложный. Объясняют это обычно, выставляя причиной неуживчивый характер и чрезвычайное самолюбие Достоевского. Это отчасти справедливо. У Достоевского закружилась голова, когда он попал на пьедестал гения, возведенный туда друзьями; и чем больше было гордости в этом величии, тем тяжелее показался ему удар, тем горше разочарование. «Сделали они мне, друзья-современники», – пишет он брату⁵⁶. Развенчание его гения сильно подействовало на Достоевского. Тургенев и Некрасов пишут на него едкие сатиры и сводят с ним мелкие личные счета⁵⁷. Белинский в своих статьях резко отзывается о нем⁵⁸. И это разочарование в нем Бе-

туроведении это произведение считается повестью. Впервые опубли.: Отечественные записки. 1846. № 2 (февраль).

⁵⁰ Сейчас – Таллин; брат – М.М. Достоевский.

⁵¹ Неточная цитата из письма к М.М. Достоевскому от 26 ноября 1846 г. – см.: [Достоевский 1972-1990: XXVIII (1), 134].

⁵² См. письма к М.М. Достоевскому от января-февраля и от апреля 1847 г. [Достоевский 1972-1990: XXVIII(1), 138, 140, 141].

⁵³ См.: *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 616 (Письмо к В.П. Боткину от 17 февр. 1847, анекдот о Достоевском и Краевском).

⁵⁴ Неточное жанровое обозначение повести Ф.М. Достоевского «Хозяйка».

⁵⁵ Приблизительная цитата; см. об этом: *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 713 (в письме к П.В. Анненкову от 15 февр. 1848 отзыв о «Хозяйке»: «ерунда страшная!»); Т. 8. С. 405 (в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» о «Хозяйке»: «что-то чудовищное», «нет ни одного простого и живого слова или выражения: все изысканно, натянуто, на ходулях, поддельно и фальшиво»).

⁵⁶ Контаминация неточных цитат из письма к М.М. Достоевскому от апреля 1847 г.; надо: «<...> утрет нос друзьям «Современникам» <...>» и «Сделали они мне известность сомнительную <...>» – см.: [Достоевский 1972-1990: XXVIII (1), 140, 141].

⁵⁷ См. письма Достоевского к брату Михаилу от 7 окт. 1846 г., янв.-февр. 1847 г. ([Достоевский 1972-1990: XXVIII (1), 127, 138]); Панаева А.Я. Воспоминания. Л., 1928; и др.).

⁵⁸ См., напр., отзыв о «Господине Прохарчине» в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (*Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 213–214).

линского было самым тяжелым ударом. Белинский не может понять произведений Достоевского. Он в то время требовал в искусстве изображения быта в тенденциозных чертах. Творчество же Достоевского пошло по иному пути. Если Белинский прокричал восторженно над его «Бедными людьми», то все же он и этого произведения не понял до конца. Когда же Достоевский пришел с «Двойником» и «Хозяйкой», он окончательно разочаровался в его гении. Вот причины, и их надо принять во внимание. Но все, что совершается, обладает всегда множеством причин.

Так было и в разрыве. Все эти причины малозначительны. Разрыва не было бы, если бы их связывало единство веры. Единомыслие роднит людей. Достоевского и Белинского роднила одна идея, которую они приняли от французских учителей. Если бы идеал оставался один, разрыва, может быть, и не было бы. Но разрыв произошел. Кто-то старую веру утратил. Кто же отступник? Учитель или ученик?

До сих пор утверждали, что отступником был Достоевский. Едва ли это так. Учитель отошел от своего мировоззрения. И это я постараюсь осветить вам в следующий раз.

Лекция третья

В конце 1846 года трещина, которую дала дружба Достоевского и Белинского, разрослась в пропасть. Письма того и другого свидетельствуют о близком разрыве, который вскоре и совершится. «К черту друзей-современников» пишет Достоевский брату⁵⁹, а Белинский в это время рассказывает про Достоевского анекдоты сомнительного содержания⁶⁰. Начало 1847 года – дата окончательного разрыва. Какова же его причина? Дружба Достоевского и Белинского основывалась на единстве убеждений. «Нас связывала тогда одна вера», – пишет Достоевский в «Дневнике писателя»⁶¹. Их связывала одна вера. Произошел разрыв, значит веры уже не было. (Прошу помнить тот полухристианский идеал, о котором шла речь в прошлый раз). Для того чтобы решить, кто ушел от веры, надо взглянуть кругом них, так как прямых свидетельств осталось мало. Перед встречей Достоевского с Белинским они находились вне Петербурга. Достоевский

⁵⁹ М.М. Достоевскому; неточная цитата; см.: [Достоевский 1972-1990: XXVIII (1), 140].

⁶⁰ См., напр.: *Белинский В.Г.* Письма: В 3 т. / Под ред. Е.А. Ляцкого. СПб.: Огни, 1914. Т. 3. С. 176 (Письмо к В.П. Боткину от 17 февр. 1847 г.). С. 180 (Письмо к И.С. Тургеневу от 19 февр. 1847 г.).

⁶¹ Такой цитаты в «Дневнике писателя» не найдено. Однако сходная мысль выражена в словах: «Я страстно принял все учение его <В.Г. Белинского – О.Б.>», отмечена у Белинского и «теплая вера в свою идею» (см.: [Достоевский 1972-1990: XXI, 12, 11]).

проводит лето у брата⁶². Белинский же путешествует с артистом Щепкиным⁶³. Перерыв был долгий, и как будто этот длинный перерыв переменял верования того и другого. Так ли это? Не говоря пока о Достоевском, посмотрим мировоззрение Белинского того времени, и мы заметим в нем резкую перемену. Он предстает перед нами в другом аспекте. Эта перемена, может быть, была подготовлена уже раньше и только тут обнаружилась с наибольшей резкостью. Помните верования социалистов-утопистов, которые были и верованиями Белинского? Назвать их атеистами нельзя. Это своеобразное учение, построенное на вольном толковании Евангелия. Во время дружбы Достоевского с Белинским последний – не атеист; после же встречи его можно окончательно назвать атеистом. Переписка того времени, т.е. конца 1846 года, обличает перемену верований в Белинском. В переписке Белинский был всегда откровеннее, чем в статьях. В переписке 1846 года обозначился ясно перелом веры в этом необычайно эксцентричном, окрашенном задором и крайне неглубоком человеке. Он топчет в грязь тех, кому недавно поклонялся. «Читаю Люи Блана» – пишет он, – «что за блажь!»⁶⁴ В статье об элевзинских таинствах мы читаем: «Пора изгнать из науки *teologie* и всякие туманности»⁶⁵. Авторитетами Белинского являются теперь не «философы межеумки». Идеалы Белинского – не те. Он с восторгом отзывался теперь об Огюсте Конте⁶⁶. Он прямолинеен и, как атеист, поклоняется Огюсту Конту. Материалистические теории Конта приводят Белинского в восторг. Умственная деятельность есть не что иное, как отражение физиологии и только лишь продукт мозговой деятельности, и т.п. Словом, как свои тезисы, провозглашает Белинский теперь догматы материализма, и провозглашает их так же страстно, как не-

⁶² М.М. Достоевского в Ревеле.

⁶³ Щепкин М.С. (1788–1863) – выдающийся актер, основоположник русской актерской реалистической школы, происходил из крепостных крестьян, прославился в ролях Фамусова и Городничего в пьесах А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя на сцене Малого театра в Москве.

⁶⁴ Такой цитаты не найдено. В письмах 1846 г. нет упоминаний о Луи Блане. В письме к В.П. Боткину от 7 (19) июля 1847 г. читаем: «Прочел я книгу Луи Блана <...> Блашка умел сделать из нее прескучную и препрошлую книгу <...>» (Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 649).

⁶⁵ Приблизительная цитата; в письме к В.П. Боткину от 17 февраля 1847 г. читаем: «Освободить науку от призраков трансцендентализма и *theologie*, показать границы ума, в которых его деятельность плодотворна, оторвать его навсегда от всего фантастического и мистического <...>» (Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 615).

⁶⁶ Конт Огюст (1798–1857) – французский философ, родоначальник позитивизма, основоположник социологии как самостоятельной науки. См.: Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 613–615 (Письмо к В.П. Боткину от 17 февраля 1847 г.).

давно проповедывал веру утопистов, с ожесточением ниспровергая своих недавних кумиров.

Ниспровержение это отразилось и на самых дорогих и близких ему. В частности, эта участь постигла и Жорж Санд. «Жорж Санд читать скучно»⁶⁷. Он ставит ее ниже, чем «Переписку» Гоголя. А это значило поставить на ней крест, и заодно – на социалистах-утопистах. Если идти в рассмотрении дальше, то это мировоззрение более и более упрочивается и склоняется к воззрениям атеиста-позитивиста. (Анненков в своих воспоминаниях рассказывает любопытную беседу Белинского и Достоевского⁶⁸.)

Воззрения Белинского теперь склоняются к учению Макса Штирнера⁶⁹, он разделяет также и взгляды Фейербаха⁷⁰. Белинский потерял свои идеалистические очертания и превратился в материалиста. Эгоизм для него теперь все творящее и все определяющее начало. По Белинскому – для того, чтобы понять идею прогресса, надо распространять этот эгоизм. Один эгоизм, два... три... много эгоизмов. Сочетание многих эгоизмов – вот база будущего благосостояния. Здесь звучат совсем другие, не утопические мотивы. Здесь – причины разрыва. Этот разрыв явно датирован 1847 г. Он созрел и подготовлен во время поездки. Изменился именно Белинский, тот Белинский, который два года тому назад проповедывал полурелигиозные идеалы.

⁶⁷ Приблизительная цитата; см.: *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 363 (в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» читаем: «<...> самые гениальные поэты, увлекаясь решением общественных вопросов, удивляют иногда теперь публику сочинениями, которых художественное достоинство несколько не соответствует их таланту или по крайней мере обнаруживается только в частностях. А целое произведение слабо, растянуто, вяло, скучно. Вспомните романы Жоржа Санда <...>»).

⁶⁸ Возможно, имеется в виду рассказ об «отпоре», которым юный Ф.М. Достоевский встречал «наставления» В.Г. Белинского (См.: *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. С. 259).

⁶⁹ *Штирнер Макс* (Шмидт Иоганн Каспар) (1806–1856) – немецкий философ, автор нашедшей книги «Единственный и его собственность» (Лейпциг, 1844), в которой предвосхищены многие радикальные идеи нигилизма и индивидуалистического анархизма; трактат Штирнера находился в библиотеке кружка М.В. Петрашевского. См.: *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 616 (Письмо к В.П. Боткину от 17 февраля 1847 г.); *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М.: Правда. 1989. С. 324–327, 598.

⁷⁰ *Фейербах Людвиг* (1804–1872) – немецкий философ, глава левого гегельянства, основатель антропотеизма, автор книги «Сущность христианства» (1841). В.Г. Белинский впервые узнал о Фейербахе и других левых гегельянах (Д. Штраусе, Б. Бауэре) из письма к нему В.П. Боткина от 22 марта 1842 г. В том же 1842 г. Н.П. Огарев познакомил А.И. Герцена, Н.Х. Кетчера, Белинского и др. с книгой «Сущность христианства», фрагменты которой Кетчер специально для Белинского перевел с немецкого языка. См.: *Белинский В.Г.* Письма: В 3 т. / Под ред. Е.А. Ляцкого. СПб: Огни, 1914. Т. 3. С. 87 (Письмо к А.И. Герцену от 26 января 1846 г.); Т. 2. С. 418, 421 (Письмо В.П. Боткина к Белинскому от 22 и 23 марта 1842 г.). Об увлечении Белинского материализмом Фейербаха см. в «Дневнике писателя». 1873. II. «Старые люди» Ф.М. Достоевского [Достоевский 1972-1990: XXI, 11].

Каков же Достоевский этого времени? Сохранил ли он свои убеждения? В противоположность общепринятому взгляду, что Достоевский ушел от социалистов-утопистов, придется признать, что он в это время оставался верным последователем их полухристианских идеалов.

В этом нас убеждает биографическая обстановка.

К осени 1846 года мы видим Достоевского в другом кругу, не украшенном авторитетами, но более близком и интимном. Это кружок братьев Бекетовых⁷¹. (Братья Бекетовы оба впоследствии – ученые. Один из них – прямой дед Алекс<андра> Блока⁷²). Вообще надо заметить, что сороковые годы – это годы кружковщины. Было принято, чтобы умственные интересы проявлялись в кружках. Одним из таких кружков был кружок братьев Бекетовых. Другими посетителями кружка были братья Майковы. С Аполлоном Майковым Достоевский был впоследствии всю жизнь связан. Но пока он был дружен с Валерианом. Валериан Майков обнаружил себя в качестве литературного критика и ценен нам постольку, поскольку он был другом Достоевского.

Здесь же встречаем А. Плещеева.

«Я сошелся с милыми людьми», – пишет Достоевский брату. А затем ремарка: «Так велики блага ассоциации»⁷³. Это как бы выдает затаенные впечатления Достоевского. Кружок также исполнен веры в идеального человека, погруженного в грех по недоразумению, и в возможности достижения идеалов будущего счастья, «земного рая», как фигурально называли его апостолы. Словом, верования кружка были те же, что и в кружке Белинского. В воспоминаниях Григоровича (т. 12 изд. <А.Ф.> Маркса), очень характерно его признание: «Только там услышал я разрешение вопросов, составляющих базу моих увлечений [и т.п.]», – говорит Григорович⁷⁴. Другое косвенное утверждение этого находим мы

⁷¹ Литературно-социалистический кружок Бекетовых существовал в Петербурге в 1846–1847 гг. Братья Бекетовы: *Бекетов Алексей Н.* (1824–?) – старший из братьев, товарищ Ф.М. Достоевского по Главному инженерному училищу, организатор литературно-социалистического кружка; *Бекетов Андрей Н.* (1825–1902) – видный учёный-ботаник, публицист, участник литературно-социалистического кружка; *Бекетов Н.Н.* (1826–1911) – видный учёный-химик, участник литературно-социалистического кружка; в кружок Бекетовых входили: Ф.М. Достоевский, А.Н. и В.Н. Майковы, Д.В. Григорович, А.Н. Плещеев, С.Д. Яновский, А.В. Ханьков и др.

⁷² Имеется в виду Андрей Н. Бекетов.

⁷³ Неточные цитаты из письма к М.М. Достоевскому от 26 ноября 1846 г.; см.: [Достоевский 1972-1990: XXVIII (1), 134].

⁷⁴ Такой цитаты в «Литературных воспоминаниях» Д.В. Григоровича не найдено; есть похожие по смыслу слова: «живое слово, отрезвляющее ум от легкомыслия, я впервые услышал только здесь, в кружке Бекетовых» (*Григорович Д.В.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. Т. 12. С. 277).

в показаниях на следствии по делу Петрашевского. Прямым свидетелем является Валериан Майков. Он выдает себя за последователя учения утопистов. Больше того, он принимает участие в издании «Словарь иностранных слов», издаваемом Петрашевским, которое имеет целью распространение идей утопических социалистов⁷⁵. Алексей Плещеев, с которым был дружен Достоевский (дружба – длительная и нежная, которая, простираясь дальше, пережила испытания каторги), пишет фельетоны и стихи, которые он посвящает кружковцам. По содержанию они близки к французским трактатам; эпитафии взяты из французских авторов⁷⁶. Таким образом, вот среда, в которой находится Достоевский в момент разрыва с Белинским. Последний в это время ищет более узких и догматических воззрений. Биографическая обстановка рисует нам воззрения обоих антагонистов. Кто из них отрекся – достаточно ясно. При этом, кризис мировоззрения Белинского был и его литературным кризисом. «Отечественные записки» – журнал Краевского – должен был потерять главного сотрудника и его ближайших друзей. Это было толчком для создания собственного печатного органа. Некрасов (ближайший друг Белинского), у которого жилка литературного дельца была особенно развита, берется при помощи Панаева за организацию журнала «Современник». В этот журнал переселяется та часть литераторов, которые наиболее связаны с Белинским: Григорович, Гончаров, Тургенев и др. Но Достоевский не сумел донести добрых отношений даже до второй книги «Современника». Только «Роман в девяти письмах»⁷⁷ появляется в первой книге «Современника». Вообще же Достоевский сотрудничает в «Отечественных» записках», усердно работает рядом с Плещеевым и Валерианом Майковым. Его произведения – не для «Современника». Все, что «наполнено» романтизмом, не принимается Белинским, ибо он – в крайностях материализма. Такие вещи, как «Двойник», не печатаются в трезвом «Современнике» и, наоборот, принимаются с удовольствием в «Отечественные записки». Это – внешние признаки разрыва; главная разница Белинского и Достоевского в том, что один продолжает быть романтиком-социалистом (Достоевский), строящим свои воззре-

⁷⁵ Издателем «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (Вып. 1. СПб., 1845; Вып. 2. СПб., 1846) был артиллерийский штабс-капитан Н.С. Кириллов; составителем и редактором первого выпуска – критик В.Н. Майков, второго – М.В. Петрашевский. Цель словаря – распространение социалистических и материалистических идей в России.

⁷⁶ Напр., стихотворение «Сон» (1846).

⁷⁷ Современник. 1847. Т. 1. Раздел IV. Смесь. С. 45–54.

ния на свободном толковании Евангелия, другой (Белинский) – на материализме. Один читает Сен-Симона, другой зачитывается Фейербахом, грезит как о чем-то решающем «о железных дорогах», утверждает эгоизм как основу мира, считает, что физиология без эмбриологии – ничто.

Разница – несомненная, и она проявляется. В то время как раз идет полемика между Белинским и Валерианом Майковым. Полемика эта завязалась по случайному поводу. Умер Кольцов. По случаю его смерти (Белинский Кольцова любил) Белинский пишет статью, где высказывает [взгляды], как он понимает взаимоотношения личности и среды. В этой статье Белинский любовно указывает на то, что личность Кольцова не заявила о себе. Индивидуальность его не проявляется; словом, Белинский писал то, что было ему подсказано материалистической теорией. Эту мысль о Кольцове подхватил Валериан Майков. Появилась рецензия. «Личность всецело предуготована средой. Она творит не из себя, изнутри, а извне», – говорит Белинский⁷⁸. «Нет, – заявляет Майков. – Это невозможно!». Он стоит за автономию личности. Развивая рассуждения свои дальше, Майков следует теории французских утопистов. Личность в потенции носит в себе божественное начало. Она оправдана собой в добре. Зло определено средой. Поэтому личность, в которой как в зеркале отражается все окружающее, может ли быть названа талантливой. Нет! Для личности заповедан образ Христа, божественность которого всецело изнутри⁷⁹. Это было полной противоположностью атеизму Белин-

⁷⁸ Такой цитаты не найдено. Однако в статье «О жизни и сочинениях Кольцова» есть сходная мысль: «Грубая и грязная действительность, в среду которой втолкнула его судьба, как неизбежной жертвы, требовала от него и поклонов, и унижения, и лжи, и всех извращений мелкого торгашества <...>» (Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 101–102).

⁷⁹ Неточная цитата; изложение мыслей статьи В.Н. Майкова «Стихотворения Кольцова. Статья вторая и последняя»: «личность заключается в противоположности внешним влияниям»; в великих людях, подлинных личностях, «мы уважаем <...> силу противодействия внешним обстоятельствам, препятствующим каждому из нас приблизиться к идеалу богоподобного человека». Великие люди «все без исключения были и должны быть одарены великою свободой личности и ополчены на подвиги вопиющим противоречием своих свойств со свойствами окружающих их явлений общественности и природы: иначе эти явления увлекали бы их в свой круговорот, и порядок вещей оставался бы неизменным. Величайший переворот в жизни человечества произведен был Самим Богом в образе человека. Христос, со стороны Своего человеческого существа, являет Собою совершеннейший образец того, что называем мы величием личности: истинное Его учение находится в <...> радикальной противоположности с идеями древнего мира, заключает в себе <...> беспримерную независимость от явлений, роковых для миллионов существ <...>. Иными словами, каждый из них (истинно великих людей. – ред.) должен был приблизиться в известной степени к идеалу богоподобного человека, чтоб сделаться великим. – Не следует ли из этого, что истинное величие человека находится в прямой противоположности с зависимостью от внешних обстоятельств <...>?» (Майков В.Н.

ского. Между тем, Майков говорил не только от своего лица, но от лица всего кружка.

Белинский с рецензией Майкова не согласился и сделал прямой выпад против него. «Я скорее перейду на сторону славянофилов», – пишет он⁸⁰. Но не только именно Майкова имел он в виду. Он задевает и Плещеева, пускает несколько ядовитых слов по поводу его гуманизма, бранит беспощадно сборник его стихов и эпиграмм⁸¹. В этой полемике не видно пока Достоевского. Но несомненно он – тут. Отношения между ним и Белинским сами собой распадаются. Достоевский всецело на стороне Майкова. У Достоевского при обыске найдена статья Майкова⁸². В 1849 году он упрекает Белинского в бездоказательности, вспоминая беспочвенность его статьи⁸³.

Ясно, на чьей стороне Достоевский. Обратите внимание, что разгар этой полемики – конец 1846 года. В это же время – острых отношений между журналами («Современник» и «Отечественные записки») – состоялся и разрыв Белинского с Достоевским. О причинах разрыва есть свидетельство самого Достоевского⁸⁴. Он рассказывает о сцене, происшедшей между ним и Белинским. В момент их первой встречи (1845 год), такой сцены не могло бы быть, ибо тогда они оба были полны полухристианских идеалов. Какая же это сцена? Белинский однажды при споре сказал, что Христос ступал бы в настоящей культуре. Это произвело сильное впечатление на Достоевского, он даже заплакал. Такая сцена возможна была только в обстановке 1846 года. А если сблизить ее с полемикой, то между ними можно усмотреть родство. Валериан Майков защищает автономность личности и как довод приводит Христа, указывает на «Христа – героя человечества»⁸⁵.

Литературная критика: Статьи. Рецензии / Сост. Ю.С. Сорокин. Л.: Художественная литература, 1985. С. 140, 130–131).

⁸⁰ Неточная цитата; см.: *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 202 (Статья «Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

⁸¹ См.: Там же.

⁸² По-видимому, речь идет о статьях В.Н. Майкова, собранных его матерью в виде книги. Ф.М. Достоевский писал А.Н. Майкову 18 января 1856 г.: «Получила ли Евгения Петровна книгу – разборы и критики в “Отечественных записках”, писанные незабвенным Валерианом Николаевичем? Когда меня арестовали, у меня взяли эту книгу, потом возвратили, но под арестом я никак не мог доставить Евгении Петровне, а я знал, что она ей была дорога» [Достоевский 1972-1990: XXVIII (1), 206–207].

⁸³ См.: «Объяснение Ф.М. Достоевского» по делу петрашевцев [Достоевский 1972-1990: XVIII, 127].

⁸⁴ По-видимому, имеется в виду глава «Старые люди» в «Дневнике писателя» за 1873 г. Ф.М. Достоевского; см.: [Достоевский 1972-1990: XXI, 8–12].

⁸⁵ См.: *Майков В.Н.* Литературная критика: Статьи. Рецензии / Сост. Ю.С. Сорокин. С. 130–131.

Белинский выставляет противоположные доводы. Личности нет, потому что нет психологии без физиологии⁸⁶.

В своей статье на последний аргумент Майкова он не смог ответить прямо (о Христе), в частном же разговоре этот аргумент мог быть опровергнут.

Так произошел разрыв. Из этого обычно хотят извлечь доказательство, что Достоевский в этот период был ортодоксальным христианином. Однако Достоевский тогда был далек от христианства, которое вводило его в церковные стены. Его христианство и православие – не идентичны. Он готов был плакать при кощунственном отзыве о Христе, но это еще не доказывает, что он был тогда православным. Что же касается Белинского, то он, кощунствуя, далек был от того полухристианского идеала, который исповедывал Достоевский, он был – атеистом. Достоевский же отошел от Белинского, сохраняя всю цельность своих верований 1845-го года.

В следующий год Достоевский в первый раз появляется у Петрашевского. Бекетовы в то время уехали, и Достоевский с Плещеевым вошли в кружок Петрашевского, человека, который удивлял своей эксцентричностью. Общество стало собираться по пятницам. Членов кружка было довольно много, в их числе и литераторы. Кружок жил неровной, но внутренне интенсивной жизнью – читались доклады, книги. В этом кружке встретились противоположные полюсы общественной мысли, которые мы обнаружили в Белинском, с одной стороны, и в Достоевском – с другой. Утопические теории уживались с атеистическими убеждениями. Социальная часть мировоззрения могла быть отделена от религии. Для людей с атеистическим складом была вполне уместна эта работа разъятия. Этого не сделал Белинский, который в пылу увлечений не замечал ничего, но она (эта работа) логически возможна, и ее сделал Петрашевский, человек с пафосом атеизма.

Другое мировоззрение, имевшее место в кружке – близко к утопистам с религиозной подкладкой. К числу его последователей надо отнести: Тимковского, Дурова, Плещеева, Достоевского, наконец, и др. Эти оба мировоззрения не уживались мирно. Происходили столкновения. Одно столкновение зафиксировано даже документом. Осенью 1846 года Тимковский вызывается доказать с материалистической точки зрения воплощение Бога. Собрание прошло бурно. Петрашевский дал Тимковскому рецепт: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Из Фурье надо взять лишь то, что не имеет отношения к фантастике»⁸⁷, и т.п. Распря пошла дальше.

⁸⁶ См.: Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 199–201.

⁸⁷ Неточная цитата; см.: «Голос минувшего». 1913. № 4. С. 117.

Тимковский дал прощальный обед, на котором присутствовал и Достоевский. В этот момент у Достоевского и Плещеева появляется идея отделиться от кружка. (Не здесь ли, у Петрашевского, родился образ Ставрогина?). Мысль [не] осуществилась; те, которые сочувствовали Тимковскому, объединились, их объединила религия. При этом, знаменательно то, что Достоевский – инициатор. Среди участников – Н. Данилевский – <будущий> автор труда «Россия и Европа»⁸⁸.

Кроме религиозной окраски, во всем другом кружок не отличается от социалистов-утопистов. Он полон идейных настроений. Больше того, в кружке обсуждались отдельные теоретические вопросы. Так, например, Достоевский вызвался прочитать доклад на тему «Социализм». Но доклад не мог быть прочитан, так как в апреле кружок был арестован. В декабре все они подверглись испытанию, их возвели на эшафот и был проделан обряд расстрела, с последующим помилованием. Их помиловали и развезли по окраинам России.

Позднейшее мировоззрение Достоевского вытекает отсюда, оно, несомненно, близко подходит к нему идеологически. В сегодняшней лекции вы познакомились со средой, которая окружала юношу Достоевского. Теперь задача рассмотреть, как же сам Достоевский воспринимал эти идеи? Как они отразились? Что они отразили впоследствии? Забегая вперед, скажу лишь, что противоречия, которые всю жизнь были у Достоевского, – не церковного происхождения. Вера Достоевского-юноши, которые он внес в стены каторги, не вытерпели сурового жизненного опыта, он столкнулся с религиозным опытом. Была победа. На той или другой стороне – не берусь судить. Но отсюда – противоречия его религии.

Лекция четвертая

В прошлый раз мы отметили ту обстановку, в которой находился юноша Достоевский. От 1845 года до ссылки мы видим его в кругу людей, увлекающихся утопическими идеями и теориями. Он возвращается в обществе, густо окрашенном оттенками утопизма.

В первых лекциях я отметил обстановку, теперь же ставлю вопрос об его внутренней жизни.

Мы должны проследить, как следы переживаний Достоевского видны в его творчестве. Следы эти в произведениях явно видны. Когда то, что все

⁸⁸ Книга «Россия и Европа» была написана Н.Я. Данилевским в 1868 г. и вызвала горячее сочувствие Ф.М. Достоевского.

пережито, и, конечно, взор неминуемо обращается к 40-ым годам, и сороковые годы вынуждают нас к внимательному их изучению⁸⁹. Как художник Достоевский обнаруживает себя в 1845 году. Про свое первое произведение «Бедные люди» Достоевский говорит, что оно написано в два месяца (это мы читаем в переписке Достоевского с друзьями⁹⁰). Савельев же, дядька в пансионе⁹¹, где воспитывался Достоевский, свидетельствует в своих записках обратное. Он часто заставлял молодого Достоевского в амбразуре окна, закутанного в простыню и лихорадочно строчащего что-то ночью. Согласно пансионным правилам, Савельев просил Достоевского уйти, тот безмолвно соглашался, но вскоре высокая, худая фигура его появлялась опять. И, действительно, длительная и видимо тщательная обработка этого произведения заставляет нас склониться скорее к версии Савельева⁹². К Григоровичу первому попал этот рассказ⁹³. Поздно вечером они с Некрасовым прочитали его и, несмотря на время («Это – выше сна!»), побежали поделиться впечатлениями к Белинскому. Они его разбудили словами «У нас явился новый Гоголь!». На что Белинский отвечал «Ну, у вас Гоголи как грибы растут!». Но, когда он сам прочел повесть⁹⁴, то воскликнул – «Ведите скорее автора ко мне!»⁹⁵. Сцена эта навсегда запечатлелась в сердце и памяти Достоевского. Отсюда – начало их дружбы.

Как сложился этот роман в письмах, нам будет ясно, если мы вспомним, какие взгляды господствовали тогда в литературе. Из литераторов Гоголь тогда создает новую школу. Писатели отказались от фантастики в искусстве. Признается служебная роль искусства. Нужно учить общество – как жить. Догматы эти развиты и обоснованы Белинским⁹⁶. К этому направлению примкнули все молодые писатели – Григорович, Салтыков (на-

⁸⁹ В машинописи и рукописи – неверно построенная фраза.

⁹⁰ В переписке Достоевского 1840-х гг. таких сведений не обнаружено.

⁹¹ А.И. Савельев (1816–1907) был ротным офицером в Главном инженерном училище в годы пребывания там Достоевского.

⁹² См.: Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. С. 549; см. также: – Полн. собр. соч. Ф.М. Достоевского: В 14 т. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 42–44.

⁹³ Неточное жанровое обозначение; имеется в виду роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди».

⁹⁴ Неточное жанровое обозначение романа «Бедные люди».

⁹⁵ Неточные цитаты; см.: [Достоевский 1972–1990: XXV, 30] («Дневник писателя за 1877 г.». Январь. Глава вторая. IV. Русская сатира. «Новь». «Последние песни». Старые воспоминания).

⁹⁶ Принципы «натуральной школы» были сформулированы В.Г. Белинским в первую очередь в статьях «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

писавший в это время маленькие комедии⁹⁷), Герцен, Плещеев, наконец, и другие, которые от философии естественно перешли к литературе. Над всеми ими поднималась фигура Гоголя как исправителя общества смехом и изобразителя реалистического. Белинский увидел в этом романе как бы подтверждение своих идеалов. «Да ведь это – социальный роман!» – воскликнул он, прочитав его⁹⁸. И, правда, бедный человек и его немного комическая любовь изображены на фоне быта, общественной жизни. Вот этот колорит быта особенно-то и пленил Белинского.

Но Белинский кое-что и не доглядел в этой вещи, а Достоевский именно на это и указывал. Это – та бездна человеческого страдания и горя, при этом изображенная в этом произведении не так, как хотел бы этого Белинский. Страдание показано не в том «социальном» аспекте. Нет, здесь, уже в первом романе, страдание взято в периферических оттенках, в онтологическом проявлении. Страдание пережито глубже и своеобразнее, чем это диктовал Белинский. И все же... многое в его первой повести навеяно, несомненно, Гоголем: о «Шинели» его упоминает герой романа, отдельные стилистические особенности вещи прямо восходят к повестям Гоголя.

«Двойник», на который возлагал Достоевский особые надежды (о которых он с упоением писал брату⁹⁹), не имел успеха. Здесь близости с Гоголем еще больше. Изображение бала, например, прямо напоминает характерные изображения «Мертвых душ». Лирические отступления, ловко выдуманные слова тоже напоминают Гоголя. Вещь эта, кроме русских литературных влияний, отражает и другие влияния. Самый образ «Двойника» – <имеет> прототип<ом> гофмановского героя¹⁰⁰. Но было что-то еще, что пленило и осенило Достоевского-художника, и оно-то не могло быть оформлено посредством скудных средств; и это отделяло его от современников.

Третья вещь – «Хозяйка» – окончательно сгубила Достоевского в глазах современников Белинского. «Это – безобразная смесь Гоголя с Марлинским», – пишет Белинский с негодованием¹⁰¹. Вещь эта, правда, от-

⁹⁷ Неточность; по-видимому, имеются в виду небольшие по объему повести М.Е. Салтыкова «Противоречия» (1847) и «Запутанное дело» (1848), напечатанные в журнале «Отечественные записки», входившем в круг сочувствующих «натуральной школе» изданий; уже в этих ранних опытах писателя большое место занимают ирония и сатирические зарисовки типов.

⁹⁸ В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского такой цитаты не найдено.

⁹⁹ См.: [Достоевский 1972-1990: XXVIII (1), 112–113] (Письмо к М.М. Достоевскому от 8 окт. 1845 г.).

¹⁰⁰ По-видимому, имеется в виду Медард из романа «Эликсир дьявола» (1815–1816) немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана.

¹⁰¹ Неточная цитата; см.: Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 713 (В письме к П.В. Анненкову от 15 февр. 1848 г. читаем: «Достоевский написал повесть “Хозяйка” – ерунда

личалась большой хаотичностью и незаконченностью. Фантастический сюжет напоминает черты народных сказок и «Страшной мести» Гоголя. Белинский был отчасти прав, указывая на несовершенство повести. Но не прав он был в том, что не смог рассмотреть и угадать в хаосе – великое.

Таковы первые произведения Достоевского. «Хозяйка» намечает рубеж его разрыва с Белинским. Во время пребывания в кружке Буташевича-Петрашевского создаются «Белые ночи», «Неточка Незванова», «Слабое сердце». В этих трех произведениях Достоевский, оформляясь как художник, находит как бы свое [со]средоточие. Это – психология мечтателя, характеризующая самого писателя в тот период «мечтательства», рамки которого мы зарисовали. Чтобы узнать, чем жил Достоевский в период юности и чем изнутри двигалось его творчество, приходится прежде всего указать на эти три вещи, на то чувство, которое изображают эти повести¹⁰².

С особым надрывом мрачной лирики говорил Достоевский о годах юности как о годах «мечтательства». «Мы все были тогда мечтателями», – пишет он¹⁰³. Этой формулой как будто все оправдывается. Позднейшие документы – «Записки из подполья» (которые занимают строго определенное место в его произведениях), анонимный фельетон в первом номере журнала «Время», «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Русское общество»¹⁰⁴ – это расплывчатая масса свидетельств, по которым можно восстановить картину внутренней жизни, имевшей место в 40-ые годы. Душа мечтателей насыщена как бы чужими книжками, которые обособляли их от реальной жизни в «подполье». Это – жизнь в мире фантастики, чужих влияний и обособление от «живой жизни».

Темой художественных повестей является психология мечтателя. В образе Неточки Незвановой дан нам тип этого мечтателя. Вся она до конца уходит в мир мечтаний. Грезы, вычитанные из книг... и из них складывается как бы новая жизнь. Здесь чувствуется какая-то внутренняя закономерность. Это – кажущаяся, а не настоящая жизнь. Ординов в своих больных и пророческих воспаленных грезах переживает целые миры. Какие-то чудные дворцы и сады строятся, проносятся и гибнут в его вооб-

страшная! В ней он хотел помирить Марлин<ского> с Гофманом, подболтавши немножко Гоголя»).

¹⁰² Неточное жанровое обозначение: «Белые ночи» и «Неточка Незванова» – романы.

¹⁰³ Приблизительная цитата; в «Петербургской летописи» есть сходие по смыслу слова: «И не все мы более или менее мечтатели!..» [Достоевский 1972-1990: XVIII, 34].

¹⁰⁴ Возможно, имеется в виду неосуществленный замысел Ф.М. Достоевского «Русский Кандид», о котором свидетельствует первая запись из списка «Memento. На всю жизнь» от 24 декабря 1877 г.; впервые опубликован и прокомментирован Л.П. Гроссманом в статье ««Русский Кандид»: К вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского» (Вестник Европы. 1914. № 5. С. 193–203).

ражении. С наибольшей полнотой и яркостью психология мечтателя вылилась в «Белых ночах». Здесь этот мир мечтателя субъективирован и тем яснее он виден. То, что прорывается неясно в «Неточке Незвановой», здесь ясно выступает. Это исповедь самого Достоевского. «Да знаете ли вы, что такое мечтательство?»¹⁰⁵ – говорит его герой «Белых ночей» – тот мечтатель, который отделился от всех и вся, и если внешний мир толкнется к нему, он чувствует себя как котенок, облитый водой. Странное существо. Его фантазия тклет мир, словно паук нить золотой основы. О чем он мечтает? Да не все ли равно о чем? Словом, разворачивается целый ряд картин. Это – в художественном изображении внутренний мир самого Достоевского. За это же говорят субъективные признания. Чтобы резче подчеркнуть вам, наконец, это тождество Достоевского с его произведениями, укажу один факт: Достоевский рассказывает то, что несколькими годами раньше было рассказано им от лица героя «Слабого сердца». Рассказ героя, который не перенес страдания¹⁰⁶, Достоевский вспомнил и рассказал. Резкой грани между собственным опытом и художественным опытом – нет. Вот, общий образ Достоевского в 40-ые годы. Надо проанализировать этот образ, рассмотреть и найти, каково внутреннее содержание этой жизни, каков интеллект его книжных грез. Прежде всего надо отметить, что это «мечтательство» вплотную подводит нас к биографической обстановке. Мечтатель Достоевский не одинок. За это говорит его дружба с Плещеевым. Помните, вероятно, тот факт, что в конце 48-го года из кружка выделились некоторые члены и составили свой собственный круг, где те же самые увлечения и идеи продолжали господствовать, но в аспекте более мечтательном, не позитивно-материалистическом, а гуманистически-религиозном. В эту эпоху Достоевский работает над «Белыми ночами». Здесь в повести¹⁰⁷ изображен внутренний мир мечтателя. Повесть эта посвящена Плещееву. А Плещеев в это время писал: «Прочитал ли ты мои “Дружеские советы”?»¹⁰⁸ Если прочитать их вслед за «Белыми ночами», то мы увидим тот же духовный уклад. Целый рой грез движется, растет, роится здесь, рождается и умирает. Сюжет тот же, из одного мира. Это лишь внеш-

¹⁰⁵ Неточная цитата; надо: «знаете вы, что такое мечтатель?»; см.: [Достоевский 1972–1990: II, 111] («Белые ночи»).

¹⁰⁶ Неточность: герой «Слабого сердца» Вася Шумков не смог перенести не страдания, а счастья. Однако видение на Неве представляется не ему, а другому герою этого произведения – Аркадию Нефедевичу.

¹⁰⁷ Неточное жанровое обозначение романа Ф.М. Достоевского «Белые ночи».

¹⁰⁸ О произведениях-двойниках Ф.М. Достоевского («Белые ночи») и А.Н. Плещеева («Дружеские советы») см. в статье В.Л. Комаровича «Юность Достоевского» (Былое. 1924. № 23. С. 3–43).

нее сходство, но даже тон подсказан. Если к тому же вспомнить письма Достоевского¹⁰⁹, то вспомним, что «мечтательство» было духовным строем того времени. Привычная атмосфера кружковщины. Не только из внутренней жизни Достоевского вылилось это произведение, но из отличительных духовных навыков и привычек, в обстановке изучения и увлечения социальными утопиями. Достоевскому в это время чего-то не хватает. Он посещает лекции Греча, знакомится со славянофилами¹¹⁰, и все-таки чего-то не хватает. Он чувствует себя как тот самый герой, который в мире чувствует себя котенком, облитым водой. Итак, корни настроения Достоевского мы находим не только в его духовной жизни, но и в дружеской среде. Если обобщить те настроения, которые господствовали в кружке Достоевского, то мы не найдем своеобразия. Достоевский, носящий в себе гений, является тем же мечтателем, как и все. Герой «Белых ночей» говорит неохотно. О чем же он мечтает? В содержании его мечтаний те же самые идеи утопистов. Любопытно, что в показаниях перед следственной комиссией о фурьеризме («Фурьеризм – идея мира»)¹¹¹ Достоевский рисует тип фурьериста теми же красками и признаками (мечтательность, мягкость и т.п.), какими будет характеризовать впоследствии своих героев. В эпоху сороковых годов страстно мечтали выразить в печати филантропические общественные взгляды. Эти мечтания отдаленно примыкают к мировоззрению Достоевского этой эпохи. Если рассмотреть то «мечтательство», которое заложено в повестях, мы встретимся с главным циклом идей социалистов-утопистов. Чем страдал Белинский, то страстно принял и пережил Достоевский. Это было, так сказать, исходной точкой духовного развития Достоевского. Страдание, которое впоследствии так полно вылилось в произведениях Достоевского, это страдание заложено уже в его первом романе. Роман этот обнаруживает искренне пережитое страдание. В обстановке определенных идей и психологического уклада это страдание толкается в определенное русло. Если мы проследим, что читает в это время

¹⁰⁹ Здесь явная ошибка слушательницы. Имеются в виду письма А.Н. Плещеева к Ф.М. Достоевскому 1857–1864 гг., обнаруженные В.Л. Комаровичем в архиве Пушкинского Дома еще в студенческие годы, в процессе занятий в семинарии по творчеству Достоевского, который вел на историко-филологическом факультете Петроградского университета А.К. Бороздин (1863–1918). На основе их изучения развился замысел известной статьи Комаровича «Юность Достоевского», над которой молодой профессор работал как раз в период своего преподавания в Нижегородском университете.

¹¹⁰ Эти сведения касаются пребывания А.Н. Плещеева в Москве весной 1849 г. (см.: Голос минувшего. 1915. № 12. С. 58–65).

¹¹¹ Приблизительная цитата; надо: «Фурьеризм – система мирная <...>»; см.: [Достоевский 1972–1990; XVIII, 133] («Объяснения и показания Ф.М. Достоевского по делу петрашевцев»).

Достоевский запоем до лихорадочности, то увидим удивительно богатый репертуар. Среди литературных материалов есть, конечно, излюбленные имена, фавориты; Жорж Санд стоит в их числе (ее реалистические романы с большой идейной насыщенностью). О ней Достоевский дал много любопытных признаний впоследствии¹¹²; ею он до лихорадочности зачитывался еще 17-летним юношей. Зачитываться до лихорадочности можно лишь тем, что останется надолго. Он с любовью останавливается на женских образах, занимается переводами этих произведений. В письмах 40-х годов Достоевский дает несколько признаний в этом плане: «Небольшая вещица о любви (у Жорж Санд) шаблонных героев того времени. Неудачная любовь... два другие персонажа в ореоле первобытной простоты и прелести. Герой рассказа – артист и художник в душе. Общественное зло не может стереть в душе божественную сущность, которая скрыта. Греха нет, это нечто привходящее и внешнее. Художественное развитие взято из социальных утопических систем»¹¹³ и т.д. «Жанна», вышедшая в 1845 г., – любимое произведение Достоевского, относится к циклу тех же произведений Жорж Санд. Героиня романа одухотворена мечтой низвести на землю рай. Она грезит о героическом прообразе своем. Это пленяло Достоевского. Вопрос о человеческом страдании сочетается с умозрением социальных утопических систем. Достоевский усвоил тот полухристианский идеал, который был идеалом социалистов. Страдание у Достоевского – случайно; и мечта Достоевского той поры, это – мечта о братстве. Раздвигая пласт духовной жизни Достоевского, мы найдем на дне ее социалистические мечтания. То тут, то там сквозят темы гуманистических верований. Уже прямо про себя рассказывает Достоевский об одном видении, которое ведет нас к книжному «мечтательству». Над духовным содержанием видна надстройка книжных впечатлений.

Так, в первом проявлении того экстаза, который будет с такой силой проявляться потом, обнаруживаются эти гуманные веяния. Это – греза о новом граде, который создала мечта. Если мы обратимся к позднейшим статьям Достоевского, то увидим, что он оказался перед пустотой. Весь этот мир, который он создал, был проверен огненным опытом. После бури, когда в жестоком поражении была обнаружена зыбкость положений, в которые он верил, тогда он выяснил это и осудил себя¹¹⁴. Но когда-то все это

¹¹² См.: [Достоевский 1972-1990: XXIII, 30–37] («Дневник писателя за 1876 год. Июнь. Глава первая. I. Смерть Жорж Занда. II. Несколько слов о Жорж Занде»).

¹¹³ Такой цитаты в переписке Достоевского 1840-х гг. не найдено.

¹¹⁴ Имеются, по-видимому, в виду следующие произведения Ф.М. Достоевского конца 1850 – начала 1860-х гг.: «Село Степанчиково и его обитатели», «Униженные и оскорбленные», «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Записки из подполья».

живо переживалось. Итак, боль перед страданием, устранение этого страдания как греха, все это – присуще Достоевскому, все это скрывается за тем, что он именует «мечтательством». Наконец, чтобы указать, что «мечтательство» и увлечение книжными теориями уживались, укажу на образ Липутина из «Бесов». Социалист-утопист у Достоевского неразрывно связан с образом мечтателя. Вот каковы источники того христианства, которое ознаменовало собой творчество Достоевского. Христианские истины переживались в 40-ые годы в аспекте социализма. Это – отправная точка умозрений Достоевского. Правда, обнаруживалось уже нечто более своеобразное и глубокое. Достоевский ведь являет собой единичный пример духовной организации по возможности религиозного экстаза. Религиозный экстаз, который проступает из романа Достоевского «Идиот» или из «Братьев Карамазовых», где Алеша обретает новую веру («Кана Галилейская») был подлинно пережит Достоевским¹¹⁵.

То, из чего рождалась его вера, было не чем иным, как высшим направлением воли, когда она утрачивала эмпирическое восприятие и достигала возможности соприкоснуться с высшей волей. Нужен был собственный духовный опыт, чтобы отметить это чувство. Эти мгновенные всплески чистой духовной сущности, когда он вдруг достигает высшего духовного прояснения, эти всплески свойственны Достоевскому уже в 40-ые годы. Мы легко в Достоевском-юноше узнаем мистика. Когда он был мечтателем, увлекался социальными утопиями, зачитывался романами Жорж Санд, в существование духовной организации он был уже позднейшим Достоевским. Но религиозный опыт, данный ему в мгновенном экстазе, не был оформлен в догме. Этот религиозный опыт, испытанный годами каторги, не был оформлен в чистое догматически церковное учение христианства. Достиг ли Достоевский окончательно христианства, утверждать не берусь. Утверждаю лишь то, что он всю свою жизнь стремился от полухристианского идеала к церковному. Он начал увлечением Фурье, а кончил «vasi»¹¹⁶. Здесь чувствуется тоска Достоевского о духовном, которая скрыта за этим возгласом «vasi».

Лекция пятая

Помните, господа, апокалипсическое видение Раскольникова? «Ему грезилося в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страш-

¹¹⁵ Мысль о Ф.М. Достоевском как «экстатическом художнике» подробно развита В.Л. Комаровичем в статье «Ненаписанная поэма Достоевского» (1922).

¹¹⁶ я направился, устремился (лат.); форма глагола «vado», от которого образовано известное словосочетание «quo vadis?» («камо грядеши?»).

ной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали эти зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, и города, и народы заражались и сумасшестввовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали как и кого судить, не могли согласиться, что считать добром и что злом. Не знали кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат, созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться – но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса»¹¹⁷.

Среди художественных мыслей Достоевского мысль о «лучших людях» одна из главных. Но нам она важна не только сама по себе, но и в связи с предшествующими замыслами Достоевского, в связи с развитием <его> мысли. Мне думается, что творчество Достоевского (а оно отличается цикличностью) начинается с «Преступления и наказания»¹¹⁸. От перво-

¹¹⁷ Неточная цитата; см.: [Достоевский 1972-1990: VI, 419–420] («Преступление и наказание»).

¹¹⁸ Смысловая неясность; возможно, имеется в виду начало нового этапа (цикла) творчества Ф.М. Достоевского.

го романа до последнего¹¹⁹ как бы существует непрерывная связь. Живо и ощутительно развертывает Достоевский цикл своих мыслей; то, что предугадывалось в финале предшествующего романа, развивается в другом.

С этой апокалипсической грезой Раскольников мы как бы в преддверии другого романа – «Идиот».

Кто же эти «лучшие люди», которые должны спасти мир? Мысль о создании «лучшего человека» волновала Достоевского всю жизнь. Мысль эта предначертана уже в «Записках из подполья». К этой мысли мы и подойдем теперь.

«Записки из подполья» – вещь маленькая, но с глубоким содержанием – непосредственно предшествует «Преступлению и наказанию» и вводит нас в историю творчества Достоевского. В 1864 году Достоевский выступает с «Записками из подполья», и прав был комментатор «Легенды о Великом инквизиторе» – В.В. Розанов, говоря, что неразмотанный клубок мыслей Достоевского представляют собой эти «Записки»¹²⁰. Здесь намечены все темы, которые потом разовьются им в «Преступлении и наказании» (в этом романе заложены уже те темы, которые впоследствии будет развивать гениальный философ Ницше¹²¹), или в «Бесах», романе, где пытается Достоевский разрешить судьбы России, или, наконец, в попытке создать истинно прекрасного человека в романе «Идиот». Та же мысль заложена в потенции в «Братьях Карамазовых».

Что же представляют собой эти «Записки»? Герой этого произведения рассказывает свое прошлое, характеризуя его как «мечтательство» без границ и края. Здесь можно угадать самого Достоевского сороковых годов. «Я только и делал, что мечтал и промечтал всю жизнь»¹²², – говорит он. «Мечтательство» – это какая-то духовная субстанция, сущность, от которой он стремится отречься.

Эта тема «Записок из подполья» является темой и всего его творчества, которое есть непрерывная борьба с «рацио» (ratio). В первом романе¹²³

¹¹⁹ По всей видимости, от «Преступления и наказания» (1866) до «Братьев Карамазовых» (1878–1880).

¹²⁰ Таких слов в книге В.В. Розанова не найдено, однако сходная мысль высказана (см.: *Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария*. Изд. 3-е. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. С. 50, 44–47 и др.).

¹²¹ Об относительности нравственных законов человечества, о «высших» и «низших» людях, о допустимости преступления («крови») и т.д.

¹²² Такой цитаты в «Записках из подполья» не найдено, однако есть похожие по смыслу слова: «Мечтал я ужасно, мечтал по три месяца сряду, забившись в свой угол <...>» (Достоевский 1972–1990: V, 132).

¹²³ Неточное жанровое обозначение; в современном литературоведении «Записки из подполья» принято называть повестью.

(«Записки из подполья») эта рациональная сущность человека представлена в аспекте психологическом, как «мечтательство». Вместо мира объективной реальности создаются фикции, фантазмагории, тени волшебного фонаря, в которых находит себе жизнь несчастный герой из «подполья». Разум создает подобие действительности. «Подполье» – это некий символ. И вот, состояние человека, определившего свою духовную жизнь только разумом, это – трясина. Это – «подполье», из которого необходимо вырваться, иначе грозит гибель. Таким образом, в «Записках из подполья» намечены Достоевским главные мысли о двойственности человеческого бытия. Разум человека это – сила мертвящая и обособляющая человека от иной, сверхличной жизни. Он мертвит и губит человека, внедряет в «подполье». От мира как цельности разум уединяет. Слово «уединяет» на всю жизнь запомнит Достоевский. Состояние уединения это – состояние «подполья». Что же мертвится этим одиноким обособленным разумом? Здесь намечается схема психологической метафизики Достоевского. Субстанциональным началом личности, а вместе с тем и религиозным, Достоевский признавал волю. Это то, что приобщает человека к миру объективной реальности. Свободная и творческая живая воля, в которой есть потенция сверхличного бытия, и одинокий мечтательный «рацио» – борются. Здесь динамика духовной жизни Достоевского впервые представлена в виде борьбы двух начал. Такое воззрение на внутреннюю структуру человека вы встретите у Достоевского всюду. Два начала в столкновении и борьбе. И вот побеждает «рацио». Воля, эта способность свободного хотения, как бы погублена. Следует отпадение личности – «подполье». Состояние уединения не проходит даром. Разумная личность не примыкает к единству, не находит внешней опоры. В голове уединенного мечтателя проносятся целые миры фантазмагорий. Тут и Жорж Санд, и Вальтер Скотт. Там вы встретитесь с социальными утопиями (это ведь 40-ые годы!) Фурье, Сен-Симона, Кабе и др. Все это живет и роится в воспаленной голове мечтателя. Вторая часть «Записок из подполья» изображает в действии это отпадение мечтателя от вселенских корней. Герой из «подполья» пытается любить, но какой это шарж на любовь, какая насмешка! Любовь невозможна для «подпольного человека», а любовь одна связывает человека с миром. От низших состояний любви человек может подняться на вершины сверхличного бытия. Он знал тайну двойной Афродиты Платона, она – двулика. Афродита – народная, вульгарная и Афродита Урания. Сущность первой – любовь особи к особи, любовь эгоистическая. Лик второй направлен к сверхличному бытию, это

стремление к небесному, любовь вселенская¹²⁴. В целом же, это – стремление к свободному, чистому волению. Это знал Достоевский, и особенно знаменательным становится эта проверка на любви героя. Даже любовь Афродиты вульгарной скрыта от него. Он опускается на самое дно, в самые низины разврата. Это – трагикомическая любовь отщепенца, кончающаяся горькой записью дневника, в которой герой сознает себя не способным к «живой жизни». В чем же «живая жизнь»? Здесь у Достоевского две мысли. Во-первых, дана концепция духовной жизни человека. Борьба двух начал – воли и разума – составляет динамику души. Из этой борьбы может выйти победителем одно или другое. Это – одна мысль Достоевского. Другая, которая лишь сквозит и угадывается, это – мысль о сверхличном мире, мире как Вселенная. Здесь предвосхищена вселенская связь с миром.

Достоевскому присуще живое ощущение вселенского единства. Мир не есть конгломерат сложных отдельных частей. Мир – это организм, где части не механически соединены друг с другом. Здесь частям предшествует единство. Я приведу излюбленные образы Достоевского: ислевший лист, золотой паук, заход солнца, улыбка ребенка, любовь и человеческая ненависть. Все эти разрозненные, вне друг друга находящиеся части полны для Достоевского какой-то вселенской гармонии. Это – выражение органического единства; где-то там, за пределами данности, все это объединено, а только здесь, благодаря несовершенству человеческого «рацио», все это раздроблено в нашем чувственном восприятии. Их связь не механически пространственная, мы чувствуем эту связь в интуитивном постижении Вселенной. Достоевский не ощущал бы своего отщепенства, если бы не угадывал вселенского единства.

Разверните одного из лучших комментаторов Достоевского – Василия Розанова – и вы увидите, что из «Записок из подполья» разворачивается все творчество Достоевского¹²⁵. Из «Записок из подполья» – прямой ход в «Преступление и наказание». В тот период, когда он дописывал «Записки из подполья», план «Преступления и наказания» был уже в голове. Своими корнями план этот уходит далеко назад. Еще в Семипалатинске¹²⁶ Достоевскому предносились мысли романа. «Непременно вернуться в

¹²⁴ О противопоставлении двух Афродит – «вульгарной» и «небесной» – см. в диалоге Платона «Пир» (385–380 гг. до н.э.).

¹²⁵ См.: *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. Изд. 3-е. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. С. 30–31, 43–47, 50 и др.

¹²⁶ Там в 1854–1859 гг. после освобождения из Омского острога Ф.М. Достоевский служил рядовым, а затем офицером в Сибирском линейном батальоне.

Россию...», – пишет он¹²⁷. Он думал, что Россия оживит и поможет осуществить его мысли. Так надо думать. Все начало 60-х годов потребовалось на создание этой вещи – стройной и законченной. Этот роман им написан в той степени полноты, что Достоевский им остался доволен (а он был – взыскательный художник!). К этому роману ведет нас тема «Записок из подполья». Но если обособление разума, как отпад личности от мировых корней, был представлен им в «Записках из подполья» в аспекте психологическом, здесь в «Преступлении и наказании» он дал изображение сущности этой проблемы. Теперь уже мы имеем – шаг вперед. Ту же самую тему он рассматривает в плане этическом. Если мысль Овсяннико-Куликовского (в его теории творчества) верна¹²⁸, то она оправдывается больше чем где бы то ни было на романах Достоевского. «Преступление и наказание» в полном смысле слова – художественный эксперимент. Создаются подходящие условия для того, чтобы узнать, как проявляется интересующее явление. Художника интересует такая мысль: то, что мы называем добром и злом, как оно относится к двойственной природе? В каком соотношении находятся оценки нашей нравственности к той двойственности личности, о которой мне пришлось вам говорить? Коренятся ли в нравственности или в воле? Если первое справедливо, если добро и зло – оценка разума и привносятся в жизнь самим человеком, то не есть ли это – нечто случайное, органически с жизнью не связанное? Разум группирует случайно разрозненные явления. Словом, если нравственная оценка коренится в природе ума, то добро и зло есть нечто условное. Так ли это? Если же в воле, то здесь кроется более важное. Тогда они прочнее и длительнее, носят сверхличный характер. Свободное волеустремление духа делает его заиндивидуальным. Вот – ... задание. А разрешает он его преступлением Раскольникова. Раскольников по своему психологическому очертанию тот же герой из «подполья». Он ушел в свои мечты, он – логист, больше того, он – диалектик. Его диалектика отточена, как бритва, он живет одним тем, что создала его теория, теория «сверх-

¹²⁷ Такой цитаты в письмах Достоевского из Семипалатинска не найдено. Однако во многих из них он высказывает мысль о необходимости для себя возвращения в Россию, в том числе для творческой реализации (см.: [Достоевский 1972–1990: XXVIII (1), 314] – письмо к М.М. Достоевскому от 19 июля 1858 г.).

¹²⁸ Глава психологической школы в русском литературоведении рубежа XIX–XX вв. профессор Харьковского университета Д.Н. Овсяннико-Куликовский (1853–1920) объяснял своеобразие художественных произведений различием психологических типов их творцов, среди которых выделялись «наблюдатели» (напр., И.С. Тургенев) и «экспериментаторы» (напр., Достоевский). См.: Овсяннико-Куликовский Д.Н. Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1907–1911. Т. 6. С. 61–125.

человека». Достоевский пророчески предугадал своим Раскольниковым появление «сверхчеловека», живым примером которого явится впоследствии ученик Достоевского – Ницше¹²⁹. Эта теория – завязка трагического действия. Здесь – причина и повод. Отточенная, как бритва, диалектика Раскольникова привела его к такому выводу: люди делятся на две категории – люди-властелины, которым «все позволено», и «дрожащую тварь»¹³⁰. Властелинам позволено то, что связывает волю «дрожащей твари». Нравственность, добро и зло это – фикции, изобретения ума. Для выдумывания этих фикций, которые стоят «по ту сторону добра и зла»¹³¹ и которые выше этих домыслов, разве для них должны быть преграды добра и зла? Если человек несет в себе сознание этой сверхчувственной силы, он вправе, больше того, он должен перешагнуть эту человеческую преграду. Очень удачными художественными приемами Достоевский заставляет следовать за экспериментом, тем более что и герой экспериментирует свою силу. Подчинив вселенскую волю идее, плоду разума, всецело до конца, Раскольников приступает к делу: он должен проверить – кто же он сам? Один ли из властелинов, или один из «дрожащей твари»? А через его эксперимент и мы будем следить и решать, возможно ли насильственное подчинение нравственности, возможно ли такое насилие над нравственностью. И вот мы подходим к главному моменту романа, к совершению преступления. Преступление совершается как страшно трудное насилие над волей.

Воля не подчиняется отточенной, как бритва, диалектике. Этот вывод разума может быть выполнен только с великим трудом. Воля протестует и борется и как нечто иное не подчиняется разуму. Само преступление предстает как наваждение; как будто воля Раскольникова подчинена другой воле. Раскольников сам не знает, что делает. Здесь попытка персонифи-

¹²⁹ Мнение об ученичестве Ф. Ницше у Ф.М. Достоевского характерно для всей критической мысли конца XIX – начала XX вв. (См., к примеру, статьи А.Волынского, В. Малинина, Б. Грифцова, М. Неведомского и др.). Оно опиралось на высказывание самого Ницше о Достоевском в работе «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом» (1888) как о «единственном психологе, у которого я мог кое-чему поучиться: он принадлежит к самым счастливым случаям моей жизни, даже еще более, чем открытие Стендаля. Этот глубокий человек, который был десять раз вправе презирать поверхностных немцев, нашел сибирских каторжников, в среде которых он долго жил, исключительно тяжких преступников, для которых уже не было возврата в общество, совершенно иными, чем сам ожидал, – как бы выточенными из самого лучшего, самого твердого и драгоценнейшего дерева, какое только растет на русской земле» (Ницше Ф. Сочинения в 2 т. / Сост., ред., вступит. статья и примеч. С.А. Свасьяна; Пер. с нем. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 620).

¹³⁰ Крылатые выражения из романов Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и «Преступление и наказание».

¹³¹ Название одной из книг Ф. Ницше (1886).

фикации злой силы в личности. Зло, идущее от разума, как-то действует на волю, и воля как бы отмирает в момент преступления от того, что ей чуждо, отмирает под властью злой силы. «Как бы сам не свой»¹³² – говорится в романе о Раскольникове. Этот момент убийства тонко прочувствован Достоевским.

Здесь мы впервые предугадываем волю добра и зла. С этим мы встретимся в разговоре Ивана Карамазова с чертом. В момент занесения топора воля как бы парализована. Завладение разума волею¹³³ представлено в самом моменте преступления. Победа личного разума отъединяет Раскольникова от вселенского разума. Но полная ли это победа, и к чему она приведет? Преступление совершено, и вдруг воля к нему вернулась. Для человека, отдавшего ее преступному разуму, есть два выхода... Из побочных мотивов (эпизод со Свидригайловым¹³⁴) мы видим, что до конца победа разума над волей доводит до низин разврата, а потом... становится невозможным и само бытие. На этом пути стоит и Раскольников. Перед ним альтернатива: или – самоубийство, либо что-то иное. Вторая часть романа есть последовательное высвобождение воли, не до конца погибшей. Этот медленный своеобразный катарсис, это очищение воли показаны во второй части романа. То, что личность не могла утвердиться на разуме, уже решено. Доказано, что разум бессилен отрицать добро и зло, не из него продуцируется мораль. Однако Достоевский чужд и пафосу Канта. Добро и зло коренятся не в разуме. Это знает Достоевский. Но, может быть, добро и зло коренятся в самой личности, как говорил Кант¹³⁵? При таком субъективном понимании оценка нравственности была бы шире личности, но вне личности она бы не существовала (форма кристалла шире ведь данного кристалла). Такой субъективизм чужд этике Достоевского. И вот почему: воля Раскольникова поработана разумом, преступление совершено, но каковы последствия? Страшные муки, доходящие до страдания физического, испытывает Раскольников. Он почти больной. И только ли это субъективные муки, искажение воли одной личности? Нет! Эта болезнь уже по существу начало сверхличное. Расколь-

¹³² Такая цитата не найдена. В момент убийства Раскольников поступает, «едва себя чувствуя», «почти машинально» (Достоевский 1972-1990: VI, 63].

¹³³ По смыслу надо: «завладение» разумом воли, т.е. разум завладевает волей.

¹³⁴ По-видимому, имеется в виду вся сюжетная линия Свидригайлова – героя, подчинившегося удовлетворению эгоистических желаний и пришедшему к невозможности для себя дальнейшего существования.

¹³⁵ Этическое учение И. Канта (1724–1804) утверждает, что нравственный закон – «категорический императив» – обусловлен «практическим разумом» самого человека, а не высшими силами; «антиномия практического разума» возникает из противоречия двух человеческих стремлений: к счастью и к добродетели (См.: «Основы метафизики нравственности», 1785; «Критика практического разума», 1788).

ников чувствует сразу полное одиночество. Он не может идти к Разумихину, разговаривать с Дуней. Больше того (и это один из центральных символов), он утрачивает материнство, он не может идти к матери. Перед нами процесс отпадения одной личности от жизни. Вот уже симптомы, что есть в этом преступлении что-то сверхличное. Из преступления Раскольникова вытекает нечто, вне его находящееся. Миколка-маляр иступленно кричит: «Я – убийца!»¹³⁶. Другая личность, таким образом, одна из частиц жизни, считает себя кровной участницей преступления. Наконец, как полное художественное завершение мысли, что преступление не акт личности, а акт – мировой, является суждение мещанина, который, глядя пристально в глаза Раскольникова, говорит: «ты – убийца!»¹³⁷. И дальше – в Сибири, на каторге, те люди, с которыми он там встретился, при первом же случае кидают ему угрозы: «безбожник ты!»¹³⁸. Вернуться к той цельности, которая нарушена преступлением и отъединением, – вот задача очищения. А в чем осуществляется это очищение? Процесс очищения, этот катарсис выражен в словах Сони¹³⁹. Таким образом, преступление не только осуществляет веления разума, но нарушает законы и покой Вселенной. Добро и зло там коренятся и оттуда приносятся в мир. Это – не веления разума и не постулаты отдельных личностей. Это – одна из тех связей, которые единят мир. Это – связь трансцендентная, связь с миром сущностей. В разрыве личность должна (если не будет восстановлена связь с миром) погибнуть. Раскольников же – на пути к очищению. И вот эти предвестия исцеления и даны в апокалипсическом сне о «лучших» и избранных людях, призванных очистить и исцелить землю от преступного разума. Этим сном Раскольникова мы в преддверии другого произведения – «Идиот». В «Записках из подполья» лишь наметив проблему о природе двойного бытия, он углубил ее в «Преступлении и наказании». Теперь же он перед новой задачей. Каков должен быть тот избранный и «лучший» человек, который живет своими вселенскими корнями и действительно проявляет эту связь в жизни, пытается влить ее в мутный поток действительности? Возможна ли такая личность? Если возможна, то где

¹³⁶ См.: [Достоевский 1972-1990: VI, 271] («Преступление и наказание»). Однако у Достоевского Николай не «иступленно кричит» свое признание, а спокойно «произносит», хоть и «громким голосом».

¹³⁷ Неточная цитата; см.: [Достоевский 1972-1990: VI, 209] («Преступление и наказание»).

¹³⁸ Неточная цитата; см.: [Достоевский 1972-1990: VI, 419] («Преступление и наказание»).

¹³⁹ По-видимому, в следующих, обращенных к Раскольникову: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: “Я убил!” Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» [Достоевский 1972-1990: VI, 322].

и когда, при каких условиях, и возможна ли? Эта греза осеняет Достоевского. Ей будет подчинено все. Она будет предметом художественного изображения в «Идиоте», а отсюда – прямая линия в следующие романы.

Лекция шестая

Вчера мы рассмотрели первые художественные метафизические опыты Достоевского, выяснили, как конструирует Достоевский душевный мир человека в его динамике. В двойном бытии личности различаются: сверхличная воля и разум. Сверхличная воля открывает доступ к сверхличным ценностям. Эмпирический мир постигается е<ю> как умопостигаемое органическое единство, то единство, которое предносится множественности. К этому единству относится личность. Разум, если завладевает душой, то уединяет, обособляет от этого единства. Тут же было мной указано желанное соединение личности с миром. Если эти проблемы были разрешены в «Записках из подполья» в плане психологическом, то в «Преступлении и наказании» Достоевский разрешает их в аспекте этическом. Здесь путем эксперимента рассмотрено – «что есть добро?» Разум родит грех, преступление Раскольникова. Из романа мы видим, что добро не есть постулат личности как таковой. Оно больше, чем суждение разума, оно вытекает не из личности. Оно есть – одно изначальное сверхличное умопостигаемое начало того единства, каким представляется Достоевскому Вселенная. Происхождение добра – трансцендентно¹⁴⁰. Иначе Раскольников должен бы был остаться при том убеждении, к которому вела его отточенная, как бритва, диалектика. Так Достоевский своими мыслями художественного творчества интуитивно подходит к главной, кардинальной мысли, к мысли о «лучших людях», которые должны очистить землю.

Достоевский выяснил природу добра, но оставил пока поставленным вопрос о том, в какой степени оно осуществляется на земле. Этот вопрос принял особую остроту и стал кардинальным в силу следующих причин: одна из этих причин касается структуры личности самого Достоевского, другая – его идеологии. Отрешиться от духа, воспитавшего его в 40-ые годы (от которого он отмахивался), он был не в состоянии. Он воспитывался на грезах, вычитанных из французских книг утопических социальных систем. Там, в трактатах Сен-Симона, Фурье, Пьера Леру, Кабе и других, решался вопрос – неизбежно ли зло на земле или оно наносно, случайно и может быть устранено? Этот вопрос решался во втором смысле, ответ

¹⁴⁰ Здесь В.Л. Комарович, по-видимому, опирается на учение Вл.С. Соловьева, изложенное в его книге «Оправдание добра» (1897).

был полурелигиозный. Эти системы не были лишены религиозного пафоса. Они утверждали, эти мыслители, что идут по христианской этике. В области христианской догматики решался вопрос о грехе и изначальности зла. Этот вопрос обходилась ими тщательно, замалчивался. Словом, ему не придавали того значения, какое придает ему церковь. И вот, если устранить этот догмат, вопрос этот представится куда более радужным. Грех был случаен, не вытекал из природы человека. Человек – эманация Христа. Значит, страдание оказывается случайным и проходящим. Явление Христа освобождает от бремени греха, а зло может быть устранено человеческой проповедью. На этой базе решали «пророки» свою пленительную мечту о человеческом счастье, о низведении рая на землю. Это и пленяет Достоевского и тех, кто его окружает в 40-ые годы, в головокружительном мечтательном экстазе. Это, повторяю я, его юношеская идеология. Но привычки и навыки остались и впоследствии. И в ту эпоху, когда он писал свои романы, это убеждение было присуще Достоевскому. Что лучшая жизнь на земле не мечта, а – обетование, в это верил Достоевский. Вселенской гармонии жизнь земная ждет. Статья¹⁴¹ Достоевского в «Дневнике писателя» – «Сон смешного человека» – ведь это вера в ту мечту, которая пригрезилась стареющему человеку. Человек перенесен на другую землю, там изначальная гармония и нет конца блаженству. Там не духовное вожделение добра, а его осуществление. («Я сам видел...»¹⁴²) Эта статья – самое полное выражение надежд и мечтаний Достоевского, но в «Дневнике писателя» рассыпаны и другие, более мелкие признания. Конечно, последние воззрения Достоевского на этот предмет отличаются от его юношеских мечтаний; с «хрустальным дворцом» он покончил, но эта гармония предносится ему в более произвольных для человека очертаниях. История есть процесс теологический, вся новая история начинается с того момента, когда Бог является в образе человека. Этим предначертана судьба человечества, и вселенская гармония должна быть на земле как завершитель имманентного процесса. Вот идеологическая причина того, что Достоевский стремился разрешить вопрос о возможности воплощения Добра в эмпирической действительности. Другая причина коренилась в глубине Достоевского, в умопостигаемой сущности.

Душевная жизнь Достоевского носила экстатический характер. Его развитие не было прямолинейным. Духовная жизнь Достоевского, насколько она видна нам, лишена поступательной непрерывности, где усложнение

¹⁴¹ Неточное жанровое обозначение; в современном литературоведении – рассказ.

¹⁴² Неточная цитата; см.: [Достоевский 1972-1990: XXV, 118] («Дневник писателя за 1877 г.». Апрель. Глава вторая. Сон смешного человека. Фантастический рассказ).

(рост, развитие) протекало бы ровно и последовательно. В Достоевском это – не протягивающаяся вперед линия, но, вернее, ряд концентрических кругов, замкнутых каждый в себе и, однако, объединенных одним центром. Центр этот – перерождение, т.е. мгновенное упразднение, уничтожение того, что только что было чем-то новым, совершенно иным. Еще в юноше Достоевском его первое творчество родилось в ночь, на Неве, в мгновенном экстазе. Ощущение на Неве и рассказано ведь Достоевским в пояснение, как источник первых творческих грез его об «оскорбленной девочке», «смешном титулярном советнике». Достоевский-юноша, почти мальчик, однажды в зимний январский вечер остановился в задумчивости над замерзавшей Невой. И вдруг совершилось что-то неожиданно-странное. Показалось, что весь этот мир исчезает, искуривается паром к темному небу. Что-то зашевелилось вдруг в нем; сердце как будто облилось в это мгновение горячим ключом крови; это – прилив могущественного, но доселе незнакомого ощущения. Он как будто что-то понял в эту минуту, как будто прозрел во что-то новое, совершенно в новый мир, доселе знакомый и известный только по каким-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам.

«С той минуты началось мое существование», – говорит Достоевский¹⁴³. Если следить за дальнейшими признаниями Достоевского, то вы увидите те же признания о духовных перерождениях. Перерождения будут всегда мгновенными. Налицо будет лишь волевой момент. Этот момент характеризуется страшными усилиями личности вырваться из своих пределов. И вот в этом озаряющем мгновении ощущается «мировая гармония», познается единство мира. Из этих истинных озарений вытекает острота вопроса: может или не может личность стать до конца добром. Выступает желание более прочного закрепления добра. Из этих постижений у Достоевского рождается завет, как бы догмат: «Каждый за все<х> и за всё виноват»¹⁴⁴. Эта истина была бы не осязательной, если бы мы не знали, что Достоевскому это ясно. Каждая из частиц связана в единстве и все за всех ответственны. Эти две причины: идеология Достоевского и структура его личности делают особенно понятным для нас вопрос о прекрасном человеке, долженствующем очистить землю, проблема, которая составляет тему романа Достоевского «Идиот». Достоевский писал свой роман «Идиот» за границей в Дрездене. Он бежал из России от массы преследовавших его тогда несчастий и бедствий в надежде на какое-то

¹⁴³ Неточная цитата; см.: «Петербургские сновидения в стихах и прозе» [Достоевский 1972-1990: XIX, 69]. Первоначально это видение описано в повести «Слабое сердце» (см.: [Достоевский 1972-1990: II, 48]).

¹⁴⁴ Неточная цитата; см.: [Достоевский 1972-1990: XIV, 290] («Братья Карамазовы»).

прояснение, духовное исцеление. В Дрездене пережил он то озарение, которого ждал и о котором писал в письмах¹⁴⁵. Из этого озарения почерпает Достоевский новые художественные возможности. Это был вихрь художественных вожделений. Он теряется в этом вихре, хватается то за один, то за другой замысел. В это одно мгновение зарождается сразу несколько только впоследствии осуществленных замыслов: «Идиот», «Памфлет» (в позднейшей редакции – «Бесы»), «Житие великого грешника» или «Атеизм»¹⁴⁶, и т.п. В первую очередь принимается Достоевский за «Идиота». Много своего и себя вложил он в это произведение. «Мысль, которая меня волновала, которой мучился я сознательно и бессознательно всю свою жизнь»¹⁴⁷, – вот мысль романа. В письме к Майкову он пишет: «Безмерно трудное задание создать истинно прекрасного человека»¹⁴⁸. Без смешного нельзя создать прекрасное.

Достоевский раздумывает, по силам или не по силам ему этот замысел, волнуется и мучается невыносимо. Когда роман начал печататься, Достоевский требует от своих друзей откровенных признаний, удачен или неудачен роман, не обращая внимания на приличие. Волнуется он не столько за себя, сколько за мысль – не скомпрометировал ли он ее в глазах общества. Такова биографическая обстановка вокруг этого произведения. Главной целью художника было нарисовать образ истинно прекрасного человека. Это – главная тема его произведения, в этом выразилась заветная мечта Достоевского. Это, то посильное воплощение добра в одной личности, окруженной повседневной жизнью. Если вскрыть образ князя Мышкина, то мы почувствуем, что самой сущностью его является «деятельная любовь». «Деятельная любовь» князя Мышкина чувствуется. Коля Иволгин, полоумный генерал, семейство Епанчиных, Келлер, наконец, искривленный Лебедев... все... все..., даже несчастный, желчный Ипполит испытывают на себе лучи любви Мышкина. Важно увидеть, где черпает любовь герой? Сейчас мы подходим к мысли художника в ее творческом проявлении. Добро это – не оценка разума, это не форма разума, а воли, поскольку воля связана с единством. «Много, много там можно сделать»¹⁴⁹, – утверждает

¹⁴⁵ См., напр.: [Достоевский 1972-1990: XXVIII (2), 205] (Письмо к А.Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.).

¹⁴⁶ Неисполненные замыслы Достоевского 1860–1870-х гг.

¹⁴⁷ Неточная цитата; надо: «Главный вопрос <...> – тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, – существование Божие» (из письма к А.Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. – см.: [Достоевский 1972-1990: XXIX (1), 117].

¹⁴⁸ Приблизительная цитата; надо: «Идея эта – изобразить вполне прекрасного человека. Труднее этого, по-моему, быть ничего не может <...>» (из письма к А.Н. Майкову от 31 декабря 1867 г. – 12 января 1868 г.; см.: [Достоевский 1972-1990: XXVIII (2), 241].

¹⁴⁹ Приблизительная цитата из романа «Идиот»; надо: «Есть что делать, Парфен! Есть что делать на нашем русском свете, верь мне!» [Достоевский 1972-1990: VIII, 184].

князь Мышкин с первого разговора с Рогожиным. Очевидно, это сыновнее чувство, которого ожидают материнские чувства¹⁵⁰. Так под новым углом представляется Достоевскому мысль о единстве. Здесь единство по отношению к отдельной личности носит характер материнской любви, а по отношению к единству со стороны отдельной индивидуальности носит название «сыновней любви». К этому вопросу подходит Достоевский чисто русскими путями и предвосхищает мысли Владимира Соловьева, потому что главной мыслью Владимира Соловьева было единство мира как Вечная Женственность, София. О ней говорит Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве»¹⁵¹, о ней говорит он Достоевскому по поводу Огюста Конта, вспоминая софийскую икону.

По поводу этой иконы в древнем мире еще велись споры. Спрашивали, что означает эта икона. Византия на этот вопрос отвечала, что это Премудрость Божия. Русские же толковали ее как ипостась Бога. Свои домыслы о душе Соловьев связывает с почитанием Св<ятой> Софии, которая дала культ Земли. Вот здесь-то и можно найти точки соприкосновения Соловьева и Достоевского¹⁵². Для Достоевского ощущение мира материнского близко соприкасается с почитанием Богородицы. Из Швейцарии Мышкин приносит живое чувство любви к Мари. Князю Мышкину присваивает Достоевский мысль о мировом

¹⁵⁰ По-видимому, под «материнской любовью» здесь имеется в виду любовь к миру Богородицы, отождествляемой с землей; Богородица, по учению Вл.С. Соловьева, – это также одно из воплощений Софии как неискаженной грехопадением сущности сотворенного Богом мира.

¹⁵¹ «Чтения о Богочеловечестве» – публичные лекции Вл.С. Соловьева в 1878 г. в Петербурге, которые посещал Достоевский.

¹⁵² В античном язычестве (Гомер, Платон, Аристотель и др.) София отождествлялась с богиней-девой Афиной Палладой как воплощением божественной «демиургической мудрости» и космического «домостроительства». В Ветхом Завете София–Премудрость Божия есть девственное порождение Бога-Отца, Его мироустроющая воля, «художница» и домостроительница. В христианстве София приобретает личностное качество и отождествляется с Христом (Логосом) как воплощением «премудрости» и Богородицей как просветленной «тварию», символизируя возможность «обожения» падшего мира. В гностическом мифе София признается двойственной: помимо обитающей в Плероме божественной Софии, существует София падшая – Ахамет, которая представляет собой плененную материей духовную субстанцию, стремящуюся вернуться к свету. Ф.М. Достоевский понимал Софию по-православному – как идеальный, божественный космический миропорядок, принцип «обожения» всей «твари», воплощенный в символе «земли», тождественный Богородице как средоточию такого «обожения». Вл.С. Соловьев, совместивший в своем учении личностно-христианское и гностическое понимание Софии, вкладывал в ее понимание множество смыслов, от религиозно-философского до образно-поэтического. Главным, по Соловьеву, является в Софии то, что она основа божественного «всеединства» разделенного и раздробленного мирового бытия. Соловьевское учение о Софии в той или иной степени развивали П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и др. Иконография Софии зародилась в Византии и получила развитие в средневековой Руси (См.: *Аверинцев С.С. София-Логос: Словарь*. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 79, 395–399, 536–591).

единстве. Где же обретается это мировое единство? Это способность того же экстаза. Вы помните, Достоевский так пространно и полно говорит о них.

«Перед самым припадком, вдруг среди грусти, душевного мрака, давления мгновениями как бы воспламеняется его мозг и с необыкновенным порывом напряглись разом все жизненные силы его. Ощущение жизни, самосознания удесят�ерались в эти мгновения, продолжавшиеся как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом, все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной гармонической радости и надежды, неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного слития с самым высшим синтезом жизни... Мгновения эти были именно одним только необыкновенным усилием самосознания, и, в то же время самоощущения в высшей степени непосредственного»¹⁵³.

Экстаз, как рисует его Достоевский, это – ощущение мирового синтеза, из этого-то трансцендентного восторга черпает Мышкин возможность чистого творчества, возможность Добра. Воля совершенно раскрепощает от разума, от его власти. Недаром Достоевский подчеркивает, что князь Мышкин глуп одним умом¹⁵⁴. Воля господствует, она простирается дальше обычных пределов, она знает мир как организм. Отсюда рождается любовь. Любовь эта составляет содержание романа. Это раскрытие воли в ее неискаженном виде. В таком понимании любовь сближается с эротизмом. Здесь нет разграничения. Любовь христианская не разграничена от низших проявлений. Эта любовь раскрывается как влечение (любовь-влюбленность князя). Это влечение подчас отграничить трудно. Не всегда ясно, как влюблен в Настасью Филипповну Мышкин. Достоевскому казалось, что воля есть изначально присущее человеку начало, роднящее его с миром сверхличным. Но как эта воля проявляется в обычных явлениях повседневной жизни, во влюбленности, в этих низинах любви? Благодаря наличию разума, настоящий Эрос, наиболее чистое проявление воли, – искажен. Чистое проявление воли, сближающее человека с миром, дано Достоевским в князе Мышкине. Кто в романе ближе всего к князю? Да – Рогожин. Они братаются крестами. Рогожин ведет князя к матери. А еще кто? – Настасья Филипповна. В ней угадывает Мышкин что-то родное. Но

¹⁵³ Неточная цитата; см.: [Достоевский 1972-1990: VIII, 188]. Очевидно, имеется в виду состояние князя Мышкина перед эпилептическим припадком, знакомое Ф.М. Достоевскому по собственному опыту.

¹⁵⁴ Имеется в виду рассуждение героини романа Ф.М. Достоевского «Идиот» Аглаи Епанчиной о двух видах ума: «главном» и «неглавном». По ее мнению, Мышкин силен «главным» (проникающим во всеобщие законы жизни) и слаб «неглавным» (житейским, эгоистическим) умом (См.: [Достоевский 1972-1990: VIII, 356].

вся трагедия в том, что влечение навсегда остается влечением особи к особи. Страсть Рогожина это – надругательство над тем, что грезились Достоевскому. Недаром жили скопцы¹⁵⁵ в доме Рогожина. Это символ искажения Эроса, серафический свет¹⁵⁶ которого дан в князе Мышкине.

Так строит характер своего героя Достоевский. Надо было построить характер, но и нечто другое было поставлено художником. Что чему должно подчиняться? Добро ли, или смесь добра со злом, которые мы видим в повседневной жизни? Мы увидим, что Достоевский разрешает этот вопрос иначе; то, что грезились Достоевскому, не было осуществлено в силу художественного такта. Из безумия является на сцену Мышкин, и на одно лишь мгновение освещает мир, но лишь на одно мгновение и... гаснет. Из безумия приходит он и в безумие уходит.

Последняя строчка пушкинского стихотворения «Рыцарь бедный»..., «как безумец умер он...»¹⁵⁷, знаменует собой конец романа. Герой Достоевского и здесь не был осуществлен, не осуществлена и греза художника. Но мог ли Достоевский отказаться от своей заветной мечты? Она сопровождала его всю жизнь. Он верил, что добро как потенция заложена в мире и что рано или поздно оно восторжествует. Замысел «Жития великого грешника» прямо ведет нас к этой мысли¹⁵⁸. Только по-иному Достоевский строит свой замысел. Он избирает теперь иной путь. Герой его должен опуститься на самое дно греха и разврата, в глубины падения. Мистической лестницей должен он идти к полноте Бога. В этом плане задумал героя Достоевский. Заключительной бы его задачей было искупление всякого греха. Вчитываясь в записи «Жития великого грешника», замечаешь, как стремится Достоевский довести греховность и падение героя до последних пределов, до последней черты – и всё это для того, чтобы оптимистическая вера художника в изначальную

¹⁵⁵ Скопцы – члены мистической секты (в России с XVIII в.), цель которой – прекращение деторождения в мире, находящемся под властью Антихриста, а также спасение души ценой отрицания плоти путем оскотления и аскетической жизни.

¹⁵⁶ серафический – здесь: ангельский, бесплотный, возвышенный.

¹⁵⁷ Цитата В.Л. Комаровича верна: именно так напечатано в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: «Как безумец умер он» (См.: [Достоевский 1972-1990: VIII, 209]).

Однако в известных текстах пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» такого стиха нет; и в первой редакции, предназначенной к печати в составе «Сцен из рыцарских времен», и в редакции под названием «Легенда» для напечатания в альманахе «Северные цветы» А.А. Дельвига есть стих: «Без причастья умер он», после которого следуют еще три строфы (См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 4-е. Л.: Наука, 1977–1979. Т. 3. С. 113, 421). То же – в юбилейном издании Полн. собр. соч. Пушкина (См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937: В 17 т. <М.; Л.>: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3 (1). С. 162).

¹⁵⁸ См. об этом подробнее в статье В.Л. Комаровича «Ненаписанная поэма Достоевского».

просветленность жизни благодатью тем разительнее оправдывалась бы и торжествовала в заключительных частях «Жития», где «всё яснее», грешник обращается к Богу, умирает, признаваясь в преступлениях. Не хотел Достоевский примириться с тем, что грех внедрен в человеке. Этот замысел не был осуществлен, но в свете этого замысла рассмотрены все произведения Достоевского. «Бесы» внедряют в себя остаток замысла. «Подросток», «Братья Карамазовы» должны были, кажется, в первом замысле служить обнаружению желанной Достоевскому «мировой гармонии», той «вселенской Осанны», которая грезила мыслителю Достоевскому, сокровенной сущностью мира, лишь случайно затененной призраком греховности. Но всякий раз в завершеном создании художника Достоевского торжествовало иное, более глубокое и суровое, зато и более церковное воззрение на мир – подчиненный греху вне благодати Духа, которая дается как дар¹⁵⁹, а не скрыта в природе как ее сущность.

¹⁵⁹ В последней фразе рукописи лекций слова «благодать» и «дар» написаны с прописной буквы. Однако мы оставляем более поздний машинописный вариант, где эти слова – со строчной буквы.